

Александр Иванович МОЛОК

БЕЛЫЙ ТЕРРОР во ФРАНЦИИ в 1871 г.

С приложением статьи В.И.Ленина «Памяти Коммуны»

М.: изд-во ЦК МОПР СССР. 1936

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.ru), 2010.
Дореформенная орфография оригинала сохранена, порядок примечаний изменен, дополнительные ссылки добавлены нами.

Документы, исследования, публицистика, посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям:
Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара (Л.: Прибой. 1925)
Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году (СПб., 1906)
М.Вильом. В дни Коммуны: записки очевидца (Л.: Прибой. 1926)
Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года (Пг., 1920)
А.Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны (М.: госполитиздат. 1956)
Речь Эжена Варлена перед судом в 1868 г. (Вятка, 1918)
Белфорт Бакс. Парижская коммуна 1870-1871 гг. (Пг., 1918)
П.Лавров. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. (Л.: Прибой. 1925)
К.Беркова. Парижская коммуна и русские революционеры (М., 1926)
С.Н.Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871 (М.: Государственное военное издательство. 1935)
БЕССМЕРТНАЯ КОММУНА. Воспоминания ветеранов, участников Парижской Коммуны Густава Инара, Антуана Ге, М.П.Сажина, Ашиля Леруа, В.Арендта, Ипполита Ноэля (М.: Издательство ЦК МОПР СССР. 1928)
В.-К.Арендт. Дни Коммуны 1871 г. (М.: ЦК МОПР. 1929)
И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в 1870-1914 гг. (М., 1952)
Э.Вандервельде. Парижская Коммуна (М.: изд-во Всерос. Центр. Исполнит. Комитета Совета Р., С., Кр. и Казач. Депутатов. 1918)
Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981. Отв.ред. В.М.Далин)
А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны: организация народного образования, клубы, женское движение (Л., 1924)
Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели (по книге К.Пельтана) (издание 1920 года, предисловие Г.Зиновьева)
Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны: историко-литературоведческая монография (М.: Худ.лит-ра. 1947)
Ж.Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира (М.: Иностранная лит-ра. 1962)
Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А.Желубовской, А.З.Манфреда, А.И.Молока, Ф.В.Потемкина (М.: изд-во АН СССР, 1961). Тт.1, 2.
И.Книжник-Ветров. Русские деятели 1-го Интернационала и Парижской коммуны. Е.Л.Дмитриева, А.В.Корвин-Круковская, Е.Г.Бартенева (М.-Л.: Наука. 1964)
П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз, 1959.) План Парижа 1871 г. Военные действия коммуны
Э.Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции (М.: АН СССР. 1956)

Письма рабкорров Парижской коммуны (М., 1937)
Б.Итенберг. Россия и Парижская коммуна (М.: Наука. 1971)
Фильм Питера Уоткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris 1871)», 2000 г.).

Эту литературу можно скачать в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

в сообществе

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также <http://politazbuka.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. «Майская кровавая неделя»

Глава II. Тюрьмы—суды

Глава III. Каторга и ссылка

Глава IV. Международная реакция против Международного товарищества рабочих

Заключение

Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого их не в силах будут освободить все молитвы попов.
Карл Маркс. «Гражданская война во Франции 1871 г.»
Избранные произведения, т.II, стр.410, ИМЭЛ — Партиздат, 1934 г.

*Посмотрите на Парижскую коммуны.
Это была диктатура пролетариата.*
Ф.Энгельс. Введение к 3-му немецк. Изданию
«Гражданской войны во Франции»

Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всемирного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно.
В.И.Ленин. «Памяти Коммуны»

Республика советов является... той искомой и найденной, наконец, политической формой, в рамках которой должно быть совершено экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма. Парижская Коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением.
И.Сталин. «Об основах ленинизма»

ГЛАВА I. «МАЙСКАЯ КРОВАВАЯ НЕДЕЛЯ»

Белый террор во Франции в 1871 г., террор, сопровождавший подавление Парижской коммуны, вылился в еще невиданную до тех пор в истории нового времени кровавую бойню.

Зверства феодально-монархической контрреволюции в Вандее¹ в 1793–94 гг., ужасы белого террора во Франции в 1815 г., кровавая расправа с лионскими и парижскими инсургентами² в 1834 г., чудовищная резня, учиненная в Париже во время разгрома июньского восстания 1848 г., бойня, организованная в Вене и в Венгрии в 1848-49 гг., зверства английской буржуазии в Ирландии и в Индии, массовые избиения поляков царским правительством при подавлении восстаний 1831 г. и 1863 г., — все эти, как и многие другие, факты из истории белого террора в XVIII–XIX вв., бледнеют перед зверской расправой с участниками Парижской коммуны 1871 г. — бойцами и героями первой пролетарской революции.

Глава французской контрреволюции 1871 г. Тьер превзошел палача венских революционеров 1848 г. генерала Виндишгреца, превзошел палача венгерских революционеров генерала Гайнау, превзошел даже генерала Кавеньяка, палача парижских пролетариев 1848 г., чье имя стало нарицательным для обозначения кровавых усмирителей народных восстаний.

Террор против участников Парижской коммуны начался еще во время ее существования. Он выразился в репрессиях против поддерживавших Коммуну газет, в арестах ее сторонников, в массовых расстрелах без суда ее бойцов, попавших в лапы версальцев. Расстрелы эти начались после первых же сражений (3–4 апреля), после того как было отбито неудавшееся наступление коммунаров на центр буржуазно-помещичьей контрреволюции — Версаль. Среди взятых тогда в плен и расстрелянных на месте защитников пролетарской революции были два ее преданнейших поборника — рабочий-литейщик, социалист Эмиль Дюваль и бывший профессор, сын академика, Гюстав Флуранс, пользовавшиеся огромной популярностью среди рабочего населения Парижа. Коммуна ответила на эти первые расстрелы декретом о заложниках (5 апреля), грозившим ответными расстрелами за казнь каждого пленного коммунара. Однако, в силу того недопустимого «великодушия к врагам»

(Маркс), которое проявили коммунары, декрет о заложниках фактически не осуществлялся: вплоть до падения Коммуны ни один из ее 260 заложников — а среди них были и видные контрреволюционеры, как, например, парижский архиепископ, банкир Жеккер, реакционный сенатор Бонжан — расстрелян не был. Коммуна не имела правильного революционного руководства в лице подлинно-марксистской пролетарской партии; многие ее деятели находились во власти мелкобуржуазных влияний; все это привело к тому, что коммунары недооценили значения революционного террора и почти ничего не сделали для того, чтобы обуздать внутреннюю контрреволюцию и сдерживать неистовства контрреволюции внешней.

Тем не менее расстреливание пленных временно прекратилось. Но как только Тьер и его генералы — герои декабрьского (1851 г.) переворота — узнали, что объявление возмездия Коммуной было простой угрозой, оставшейся без последствий, что были пощажены даже шпионы-жандармы, арестованные в Париже переряженными в национальных гвардейцев, и полицейские, схваченные с зажигательными снарядами, — как только они узнали об этом, они начали снова массовые расстрелы пленных, продолжавшиеся беспрерывно до конца. Дома, в которых укрывались национальные гвардейцы, жандармы окружали, обливали керосином (здесь он был в первый раз употреблен в этой войне) и поджигали; обугленные трупы были извлечены впоследствии амбулаторией работников печати (в квартале Терн)³.

21 мая версальская армия ворвалась в Париж. Огромное превосходство сил противника, слабость военной организации Коммуны, ошибки ее руководства, оторванность революционной столицы от рабочего населения провинциальных городов, от крестьянства, обманутого агитацией контрреволюционеров, — все это вместе взятое привело к поражению пролетариата. Клевета, саботаж, вредительство — все было пущено в ход для того, чтобы сокрушить коммунаров.

Контрреволюционеры всеми силами старались восстановить против коммунаров все население страны, в первую очередь армию. Солдаты, одурманенные алкоголем, распропагандированные в духе бешеной ненависти к пролетариям

¹ Вандея — область западной Франции, центр французской контрреволюции конца XVIII в.

² Инсургент — повстанец.

³ Карл Маркс. Избранные произведения, т. II, ИМЭЛ—Партиздат. 1934 г., стр. 384–385.

Парижа, слепо верили тому, что коммунары — это «убийцы», «грабители», «поджигатели», что они замышляют всеобщий «дележ» имущества, покушаются отнять у крестьянства его клочок земли, угнать его корову, закрыть все церкви, повесить его «утешителя» — попа. Возвращавшиеся из немецкого плена солдаты рвались домой, но вместо ожидаемой демобилизации должны были вести новую войну, виновником которой они со слов своего начальства считали Коммуну.

Немалую услугу оказали версальцам германские войска, все еще остававшиеся на французской территории и продолжавшие занимать восточные и северо-восточные окрестности Парижа. Вчерашние противники — французский буржуа и немецкий юнкер — объединились против общего врага — пролетариата.

Соглашение с канцлером Германской империи, князем Бисмарком, позволило версальцам, вопреки условиям перемирия, довести численность своей армии до 130.000 человек (в значительной мере за счет отпущенных из германского плена солдат), провести часть своих войск через германские линии, откуда коммунары не ожидали нападения, и осуществить полную полицейскую блокаду Парижа.

22 мая Тьер под гром аплодисментов торжественно заявил с трибуны Национального собрания: «Цель достигнута: дело справедливости, порядка, гуманности, цивилизации одержало победу».

«Да, это была победа. Цивилизация и справедливость буржуазного порядка выступают в своем истинном, полном ужаса свете, когда рабы этого порядка восстают против господ. Тогда эта цивилизация и эта справедливость являются ничем неприкрытым варварством и незаконной местью. Каждый новый кризис в классовой борьбе производящих богатство с присваивающими его показывает этот факт все с большей яркостью. Перед небывалыми гнусностями 1871 г. бледнеют даже зверства буржуазии в июне 1848 года. Самоотвержение, с которым весь парижский народ — мужчины, женщины и дети — еще целую неделю сражался после того, как версальцы ворвались в город, отражает величие его дела так же ярко, как зверские подвиги солдатчины отражают весь дух той цивилизации, наемными защитниками и мстителями за которую они были. Поистине великолепно эта цивилизация, которая очутилась перед трудной

задачей, куда девать груды трупов людей, убитых ею уже после окончания боя!

Чтобы найти что-либо похожее на поведение Тьера и его палачей, надо вернуться ко временам Суллы⁴ и римских триумвиратов⁵. То же хладнокровное массовое избиение людей; то же безразличное отношение палачей к полу и возрасту жертв; та же пытка пленных; те же гонения, только на этот раз уже против целого класса; та же дикая травля скрывшихся вождей, чтобы никто из них не спасся; те же доносы на политических и личных врагов; то же равнодушное избиение людей, совершенно непричастных к борьбе. Разница только в том, что римляне не имели митральез, чтобы расстреливать пленных толпами, что у них не было «в руках закона», а на устах слова «цивилизация»⁶.

С конца мая 1871 г. начались зверства победившей контрреволюции. Объявленная на осадном положении столица Франции разделена была на четыре округа, во главе которых стали генералы Винуа, Дуз, де-Сиссе и Ладмиро, действовавшие под общим руководством главнокомандующего маршала Мак-Магона. Оплот республики, демократии, социализма — рабочий Париж — был отдан на суд и расправу его злейшему врагу — монархической военщине, питавшей самую бешеную ненависть к коммунарам.

Чтобы еще больше разжечь эту ненависть, буржуазная печать всех оттенков не уставала изо дня в день призывать к беспощадной расправе с побежденными.

«На коммунаров надо устроить охоту», — заявляла газета «Общественное благо». Газета «Фигаро» писала: «Мы должны расправиться, как с дикими зверями, с теми, кто еще прячется». «На г.Тьере, — писала та же газета, — лежит еще важная задача — очистить Париж... Никогда еще не представлялось подобного случая для излечения Парижа от той моральной гангрены, которая разъедает его уже в течение двадцати лет... Пощада была бы в данное время безумием»... «Только одна

4 Глава аристократической партии в Римской республике начала I в. до нашей эры; после победы над демократами исключительно жестоко расправился со своим противниками.

5 Эпоха обоих римских триумвиратов (двух соглашений о разделе власти, заключенных в середине I в. до нашей эры тремя политическими деятелями) ознаменовалась рядом кровавых гражданских войн, в которых зверская расправа с побежденными была обычным явлением.

6 Карл Маркс. Избранные произведения, т. II, ИМЭЛ—Партиздат, 1934 г., стр. 404—405.

кара может искупить подобные преступления: смерть!» — вопила редакция газеты «Французская независимость»⁷.

Некоторые газеты доходили до того, что требовали восстановления уничтоженного коммунарами эшафота, «чтобы не предоставлять им, — как писал «Монитор», — чести быть расстрелянными».

Эти кровавые призывы не остались неслышанными. Впрочем, озверевшие офицеры и солдаты версальской армии, жандармы и полицейские, а также их добровольные помощники — «мирные» парижские буржуа обоего пола, мстившие за пережитый ими страх — не нуждались в особом подстрекательстве к расправе. Упоенная своей победой, контрреволюция жаждала полного уничтожения всего, что так или иначе было связано с Коммуной.

Не довольствуясь массовыми расстрелами пленных коммунаров, взятых в бою на улицах, зверской расправой с истекающими кровью ранеными бойцами, контрреволюция устроила охоту на все трудящееся население Парижа, на все мало-мальски революционные элементы.

Аресты и расстрелы приняли еще невиданный по своим размерам характер. В рабочих кварталах были обысканы почти все дома. Производившие обыски полицейские, которым деятельно помогали «комитеты чистки», состоявшие из добровольцев-буржуа, действовали с исключительной грубостью: они ломали мебель, присваивали себе деньги и ценные вещи, били смертным боем всякого, кто пытался что-либо возразить им.

В Париже и его окрестностях устраивались систематические облавы на коммунаров. Облавы устраивались даже в катакомбах: с помощью собак, при свете факелов полицейские охотились за укрывшимися здесь коммунарами. Полиция заняла все вокзалы, все пограничные пункты. Без визированного в Версале паспорта нельзя было сделать ни одного шага.

Число арестованных, даже по официальным данным, составило 38.568 человек (сюда не вошли 5—6 тысяч арестованных, которым удалось доказать свою непричастность к Коммуне и добиться освобождения). В действительности арестовано было около 50.000 человек. Арестовывали не только коммунаров, социалистов, революционеров, — арестовывали и буржуазных республиканцев, державшихся в стороне от Коммуны, но известных стойкостью своих политических взглядов и прославленных своей борьбой с империей Наполеона III. Так, был арестован

мелкобуржуазный публицист Рошфор, редактор антибонапартистских газет «Фонарь» и «Марсельеза», бежавший 20 мая из Парижа от преследований со стороны Коммуны. Арестовывали поляков на том «основании», что в Коммуне участвовало несколько польских революционеров. Арестовывали по первому доносу личного врага, за малейшее слово неодобрения по адресу реакционеров, за один взгляд сострадания, брошенный на побежденных. Число политических доносов за время с 24 мая по 13 июня достигло небывалой цифры 399.823, из них подписано было лишь 5%, остальные были анонимными.

Деятельное участие в арестах принимали командиры германских полков, занимавших восточные и северо-восточные окрестности Парижа. Коммунары, пытавшиеся прорваться через линии расположения немецких войск, задерживались и передавались версальцам.

30 мая коммунар Элизе Реклю отмечает в своем дневнике:

«Сотни национальных гвардейцев бежали к пруссакам. Бедняги серьезно думали, что внешний враг, согласно данному им обязательству, не вмешается в наши внутренние раздоры. Пруссаки действительно опустили для них подъемный мост, так что всякий, кто хотел, входил; когда же все прошли таким образом, их разоружили, крепко связали им руки и затем направили в Версаль. Некоторые из этих несчастных, испуганные этим приемом, вздумали протестовать: «Но ведь мы эльзасцы, мы больше не французы, мы немцы»⁹. Последовал ответ: «Выходите из рядов». Эльзасцы и лотарингцы выходят из рядов. «Прекрасно, пусть отведут этих каналий в район расположения баварцев и немедленно же расстреляют. Остальные пусть отправляются в Версаль».

Так Бисмарк осуществлял «нейтралитет»... И уж, конечно, не его вина, если на некоторых немецких линиях, особенно там, где стояли саксонские части (в которых было немало рабочих), много активных бойцов революции было пропущено солдатами, которые «повиновались, — как указывает Энгельс, — больше чувству гуманности, чем своему начальству».

И все же большая часть беглецов Коммуны, пытавшихся прорваться через германские аванпосты, была задержана и передана версальцам. За один только день 25 мая баварцы

7 Л.Дюбрейль. «Коммуна, 1871 года», стр.242—243 (ГИЗ, 1920).

9 По условиям мирного договора 10/V-1871 г., заключенного между Францией и Германией, первая уступала второй Эльзас и Лотарингию.

передали версальцам около 3.000 коммунаров, которые сдались им у Венсенских ворот; столько же человек в этом одном пункте были выданы 27 мая. Нередки были и случаи стрельбы по коммунарам, пытавшимся пробиться через немецкие линии.

2.500 коммунаров были убиты в бою, 20.000 были перебиты после боя. Уже одно сопоставление этих цифр ярко характеризует белый террор 1871 года. Расстреливали либо без всякого суда, часто в самый момент ареста, либо после комедии минутного «допроса» и «разбирательства» в одном из многочисленных военно-полевых судов, действовавших в эти дни в Париже. Самыми ужасными из органов этой скорострельной «юстиции» были так называемые «превотальные суды», заседавшие в Люксембургском дворце и о концертном зале Шатлэ. В первом орудовал капитан Гарсен, во втором полковник Вабр — крупный торговец углем, награжденный потом за свое «усердие» орденом Почетного легиона. Допрос продолжался четверть минуты: «Вы взяли за оружие? Вы служили Коммуне? Покажите ваши руки». И не дожидаясь ответа на свои вопросы, «суд» по лицу обвиняемого, по своему впечатлению и капризу выносил приговор, осуждая одних на отправку в Версаль, других — на немедленный расстрел. Расстреливали за найденное при обыске кепи (военную фуражку), за рабочую блузу, за черные от пороха руки, за случайное, часто мнимое сходство с кем-либо из деятелей Коммуны. Расстреливали однофамильцев последних, расстреливали женщин (иной раз с грудными младенцами на руках) и детей, родители которых сражались за Коммуну или хотя бы только сочувствовали ей.

«Я видел, — рассказывает один очевидец, — как из военного суда вышло шестеро детей, которых вели четыре полицейских. Старшему было на вид лет 12, а самому младшему не было и 6. Бедные дети плакали, проходя через толпу негодяев, кричавших: «Расстрелять их, расстрелять! Иначе из них вырастут инсургенты». Самый маленький был в деревянных башмаках на босу ногу, на нем были только панталоны и рубашка, и он заливался горькими слезами. Я видел, как они вошли в казарму Лобо. В тот момент, когда ворота за ними захлопнулись, я крикнул: «Преступно убивать детей!» Я едва успел спрятаться, в противном случае я попал бы в Шатлэ. как и многие другие»¹⁰.

Суд в Шатлэ вынес более трех тысяч смертных приговоров. Они приводились в исполнение во дворе казармы Лобо: жандармы

даже не давали себе труда выстроить свои жертвы у стены, а расстреливали сбившихся в кучу людей там, где они стояли.

Казарма Лобо была не единственным местом расстрелов. Они производились и в десятках других пунктов Парижа — в казармах, тюрьмах, мэриях округов, на вокзалах, в церквях, на кладбищах и просто на улицах. В тюрьме Ла-Рокетт за один день была перебито 1.900 человек. Здесь не было даже и видимости судебного разбирательства. Какой-то офицер, командир батальона, стоя у входа в тюрьму, осматривал с головы до ног приводимых к нему пленных и время от времени произносил: «направо», «налево». Направо означало — смерть. «Осужденные» на казнь немедленно ставились к стене и расстреливались. Стоявшие неподалеку попы «освящали» эту бойню своими «молитвами».

Расстреливали раненых, лежавших в госпиталях, расстреливали лечивших их врачей. Так погиб доктор Фано, исполнявший обязанности начальника военного госпиталя, устроенного коммунарами в семинарии Сен-Сюльпис. Но были и такие врачи, которые сами помогали палачам в их работе. Известный хирург, профессор Дельбо, выдал версальцам всех раненых коммунаров, находившихся на излечении в его больнице: они были тут же перебиты. Впоследствии студенты Медицинской школы устроили обструкцию этому ученому негодяю, категорически отказавшись слушать его лекции.

На кладбище Пер-Лашез, одном из последних пунктов героического сопротивления коммунаров, у так называемой «Стены федератов», служавшей и поныне местом ежегодной майской демонстрации парижских рабочих, пленные защитники пролетарской революции были расстреляны из митральез (картечниц). Митральезы применялись — для ускорения расправы — и в других местах.

Расстрелы производились в таких размерах, что улицы Парижа, дворы казарм и других зданий, где «работали» военно-полевые суды, были буквально завалены; трупами. Их не успевали хоронить и, во избежание эпидемий, целыми телегами свозили в окрестности столицы и сжигали. Из этих еле засыпанных общих могил нередко доносилось предсмертное хрипение заживо погребенных людей — раненых, которых даже не потрудились прикончить.

Зверства, совершавшиеся на улицах Парижа в дни «кровавой майской недели 1871 года», приняли такой чудовищный характер, что вызывали содрогание даже у рада буржуазных очевидцев, корреспондентов иностранных газет, в частности английской буржуазной газеты «Таймс», которую нельзя было, конечно,

10 Камиль Пельтан. «Майская неделя». Париж, 1907 г., стр.24.

заподозрить в сочувствии Коммуне и коммунарам. Сообщения парижского корреспондента этой газеты, являвшиеся большей частью результатом личных наблюдений автора, полны ужасающих подробностей.

Корреспондент «Таймс» отмечал особую жестокость правительственных войск против населения Бельвилля — XIX парижского округа, пролетарского района, явившегося одной из последних твердынь Коммуны.

«Я беседовал, — пишет он в своей корреспонденции от 29 мая, — с одним офицером-зуавом¹¹, который придерживается того мнения, что Бельвилль еще и теперь заслуживает быть сожженным сверху донизу».

«В окрестностях Бельвилля и Бютт-Шомон, — сообщала та же газета («Таймс»), — число мертвецов так велико, что всех прохожих, которых удастся задержать, заставляют рыть ямы и закапывать трупы»¹².

Массовые расстрелы происходили и в V округе, округе Пантеона, старом революционном квартале, центре сопротивления коммунаров на левом берегу Сены. В мэрии этого округа были перебиты все, кто там находился к моменту ее занятия версальцами.

«Там были, — рассказывает один очевидец-буржуа, — дети в возрасте 12, 13, 14 лет, служившие в качестве курьеров, разносивших письма, Все, взрослые и дети, были расстреляны, кто во дворе мэрии, кто во дворе школы христианских братьев».

«Наши солдаты, — сообщала 29 мая газета «Голуа», — наступая по всем улицам, вскоре окружили коммунаров, численностью в 700–800 человек, между Пантеоном, библиотекою и церковью Сент-Этьен-дю-Мон. Ни один инсургент не избежал расправы»¹³.

На Монмартре главным местом бойни был дом № 6 по улице Розье, во дворе которого в день восстания 18 марта были расстреляны генералы Леконт и Клеман Тома.

«Когда явилась армия, — рассказывает в своей книге «Майская неделя» буржуазный радикал Камилл Пельтан, отнюдь не бывший сторонником Коммуны, —

она как бы вообразила, что самая улица преступна и что каждый из ее жителей забрызган кровью Клемана Тома и Леконта. Расстреливали беспощадно, массами. Затем расположились в доме № 6. Теням казненных генералов принесены были ужасные жертвы, сад этого дома явился ареной пыток и казней, ухищрения которых были бы вполне достойны даже варварской изобретательности XI века. Пленных сводили сюда со всех концов... Они были загнаны в этот сад и должны были просить тут о прощении за преступление, которого не совершали. Просить прощения, но у кого же? У штукатурки стен, у сломанных деревьев, у выбоин от пуль... Пленный, простершись на земле, должен был целыми часами, целый день лежать лицом в пыли. Два ряда несчастных, среди которых были старики, дети и женщины, были подвергнуты такой пытке — публичному покаянию перед штукатуркой. Щебень резал их колени, пыль набивалась им в рот и глаза, их напряженные тела немели, нестерпимая жажда сжигала их пересохший рот и пустой желудок, майское жгучее солнце обжигало их обнаженные затылки, и если кто-либо из них плохо лежал, если приподнималась голова, если отекавшее колено пробовало выправиться, — удары прикладами принуждали непокорного вновь принять прежнее положение. Когда срок наказания кончился, часть этих несчастных отводили на пригорок, где и расстреливали. Остальных отправляли в Сатори»¹⁴.

Одной из жертв расстрелов на Монмартре был член Центрального комитета Национальной гвардии Левек, рабочий, по профессии каменщик. Полковник версальской армии, по приказу которого был расстрелян Левек, допрашивая его, не удержался от негодующего восклицания: «Каменщик и хотел управлять Францией!»¹⁵ В этом восклицании ярко обнаружилась главная причина ненависти буржуазии против коммунаров, покусившихся на государственную власть, которая до революции 18 марта неизменно принадлежала эксплуататорским классам.

Не менее откровенно разоблачил классовый характер версальского террора председатель Люксембургского военного суда при допросе доктора Тони-Муалена, автора социалистической утопии «Париж в 2000 году», бывшего в первые дни Коммуны ко-

11 Зуавы — вид французской пехоты, созданный в Алжире в 1831 г. Название происходит от племени Зуауа, из которого первоначально набирались это полки. Сейчас они комплектуются из французов, но сохранили прежнюю форму — арабский костюм.

12 К.Пельтан. «Майская неделя», стр.325–326.

13 Там же, стр.88–89.

14 Там же, стр.67–69.

15 Там же, стр.63.

миссаром VI округа. «Вы один из вождей социализма, один из опаснейших людей, от которых нам нужно избавиться»¹⁶, — с циничной откровенностью заявил ему капитан Гарсен. Тони-Муален был расстрелян.

Многие казни совершались с утонченной жестокостью, напоминающей варварские ухищрения средневековых инквизиторов. Члена Коммуны — одного из руководителей парижской организации Интернационала — рабочего-переплетчика Эжена Варлена, арестованного по доносу священника, в течение двух часов водили по улицам Монмартра под улюлюканье обывательской черни и пьяных солдат; избитый до полусмерти, он в момент расстрела уже не мог держаться на ногах и был расстрелян в сидячем положении. Командовавший расстрелом офицер — лейтенант Сикр — обыскал карманы убитого и украл у него часы.

Социалистический публицист Милльер, деятель революции 1848 года, не принимавший непосредственного участия в Коммуне и сохранивший звание члена Национального собрания, был расстрелян на коленях, в позе человека, публично испрашивающего прощения. Вот как описывает казнь Милльера, на основании показаний очевидцев, историк белого террора 1871 года Камилл Пельтан:

«Под проливным дождем, среди давки ревущей и угрожающей толпы, среди двойной шеренги конвоиров, шел Милльер в черном, наглухо застегнутом сюртуке, в высокой шляпе. Один солдат и один полицейский агент в штатском, с двумя огромными револьверами за поясом, держали его за ворот и за кисти рук.

Охрана остановилась у входа в Люксембургский дворец, под окнами Ресторана Фуайо. В первом этаже де-Сиссэ, генерал, командующий 2-м корпусом, маркиз де-Кенсона, роялист, член Национального собрания, капитан Гарсей, в обязанности которого входил допрос арестованных, и других лиц, сидевших за завтраком, высунулись в окно, чтобы посмотреть на зрелище.

Раздавались беспорядочные крики: «Милльер! Смерть Милльеру!» О., из солдат, державший ружье за конец дула, кричал: «Это я его захватил». Суда никакого не было, даже для виду. В двух шагах оттуда, в одном из зал Люксембургского дворца, помещался так называемый военный суд. Но мысль свести туда

депутата Милльера не пришла в голову никому, даже командиру 2-го корпуса, наблюдавшему эту сцену из окна.

Один национальный гвардеец с трехцветной нашивкой на рукаве, широкоплечий малый, схватил его за руку и оттащил к стене фасада. Кругом толпа продолжала вопить: «Вор! Убийца! Поджигатель!» Кто-то крикнул: «Шапку долой, мерзавец!» Милльер сохранял полное спокойствие. Он положил шляпу на подножие колонны и скрестил руки.

Священник в высокой шляпе вышел из здания Люксембургского дворца; это был духовник расстреливаемых...

Милльер спокойным жестом отстранил священника. Аббат настаивал, один из офицеров предложил ему удалиться...

Казнь была приостановлена появлением офицера... Рассказ капитан Гарсена показывает, что этот офицер был он сам, Гарсен.

«Я обратился к нему со словами:

— Вы действительно Милльер?

— Да, но вам не безызвестно, что я депутат.

— Весьма возможно, но я думаю, что вы утратили ваше депутатское звание. Впрочем, среди нас есть депутат, г. де Кенсона, который вас знает в лицо.

Затем я сообщил Милльеру, что, по приказанию генерала, он приговорен к расстрелу. Он спросил:

— За что?

Я ответил:

— Я знаю вас лишь по имени. Я читал некоторые из ваших статей... Вы — гадина, которую следует раздавить. Вы ненавидите общество.

Он остановил меня словами, произнесенными многозначительным тоном:

— О, да. Это общество я ненавижу.

— Ну, что же, оно вас выбрасывает из своей среды. Оно присуждает вас к расстрелу»...

Генерал отдал приказ, чтобы Милльер был расстрелян в Пантеоне, стоя на коленях, как бы испрашивая прощения у общества за то «зло», которое он ему причинил...

Гарсен рассказывает нам, что произошло дальше:

«Он отказался стать та колени перед расстрелом. Я сказал ему: «Это — приказ, Вы будете расстреляны на коленях, не иначе». Он слегка поломался, раскрыл платье, показывая взводу свою обнаженную грудь. Я сказал ему: «Вы бьете на эффект. Вы хотите, чтобы потом говорили о том, как вы умирали. Умрите спокойно. Так лучше». — «Никто не может помешать мне делать то, что я считаю нужным в моих собственных интересах и в интересах моего дела». — «Отлично, становитесь на колени». Тогда он заявил мне: «Я стану на колени лишь в том случае, если ваши люди заставят меня сделать это». Я поставил его на колени».

Действительно, все свидетели, рассказы которых находятся передо мною, видели, как офицер снова подошел к своему отряду, после чего, по его приказанию, от отряда отделился солдат, который направился к Милльеру и силой заставил его опуститься на колени, напирая на его плечи.

Этот офицер, грубо издевающийся над человеком, приговоренным к смерти, считающий, что человек этот разыгрывает комедию потому, что он бесстрашно глядит и лицо смерти, — офицер, не щадящий даже храбрости своей жертвы и оскорбляющий ее беспримерными словами: «Вы бьете на эффект», — и **все это делается не в порыве ярости толпы или солдат, ожесточенных сражением, но по приказанию генерала, хладнокровно отданному в промежутке между грушей и сыром...** Кто бы мог поверить в этот ужас, когда бы сам Гарсен не похвастался всем этим в официальном документе! «Да здравствует народ! Да здравствует человечество! — воскликнут Милльер и упал, сраженный пулями.

Какой-то военный быстро взошел по ступенькам и в упор выстрелил из револьвера в лицо убитому»¹⁷.

В 1873 г. вдова Милльера начала дело против капитана Гарсена по поводу расстрела своего мужа. Она не добилась ничего: Гарсен был прикрыт своими высокими покровителями, в первую очередь, военным министром де-Сиссэ, поспешившим выдать ему справку, удостоверяющую, что он «действовал, лишь исполняя приказания, данные ему его начальством».

Особенно разнузданной жестокостью отличался среди палачей Коммуны командир кавалерийской бригады маркиз де-Галлифэ. Вот что рассказывает с «подвигах» этого генерала версальской армии один английский журналист, случайно схваченный на улице и присоединенный к толпе арестованных, направлявшейся в Версаль:

«На авеню Урих колонна остановилась, и пленные были построены вдоль дороги в четыре или пять рядов, лицом к улице. Генерал маркиз де-Галлифэ и его штаб спешили и стали обходить вытянувшуюся линию... Какой-то офицер обратил внимание генерала на мужчину и женщину, заподозренных, повидимому, в каком-то особо важном преступлении. Женщина бросилась вон из рядов, упала на колени и, простирая вперед руки, горячо уверяла в своей невинности. Генерал разглядывал ее несколько минут, потом с самым бесстрастным выражением лица сказал спокойным голосом: «Сударыня, я побывал во всех парижских театрах, так вы уж не трудитесь играть комедию»... После того как генерал отобрал сотню пленных и выделил взвод солдат, который должен был расстрелять их, наша колонна продолжала свой путь. Обреченные на казнь остались на месте. Несколько минут спустя мы услышали позади себя ружейные залпы, которые продолжались с короткими перерывами с четверть часа. Это была расправа с теми несчастными, которых прикончили таким образом без единого намека на какой-либо суд»¹⁸.

Даже заклятые враги Коммуны должны были отдать дань уважения героизму, с которыми умирали приговоренные к расстрелу коммунары. Газета «Голуа» писала: «Все женщины, которых убивали обезумевшие солдаты, умирали с проклятием на устах, с презрительной улыбкой, как мученицы, которые, жертвуя собою, исполняют священный долг... Одну из них взяли в Доме, из окон которого стреляли в солдат. Ее хотели связать и отвести в суд, в Версаль. «К чему это? — крикнула она. — Освободите меня от бесполезного путешествия». Она стала у стены, раскинув руки, выпятив грудь вперед, и приготовилась к немедленной смерти»¹⁹.

¹⁸ Впоследствии он был военным министром в кабинете Вальдека-Руссо (1899—1902), где рядом с ним заседал (в качестве министра торговли) «социалист» Мильеран.

¹⁹ Лиссагарэ. «История Коммуны 1871 года», стр.320—321 (Изд. Глаголева), перевод исправлен — А.М.

Корреспондент бельгийской буржуазной газеты «Этуаль» («Звезда»), настроенной крайне враждебно к Коммуне, пишет в одном из своих сообщений:

«Все солдаты, принимавшие участие в расстрелах, на мои вопросы отвечали почти одно и то же. Один из них сказал мне: «В Пасси мы расстреляли около 40 человек, все они умерли, как солдаты, одни скрещивали на груди руки и гордо поднимали голову, другие распахивал» свою одежду и кричали нам: «Стреляйте! Мы не боимся смерти». Ни один из тех, кого мы расстреляли, даже не поморщился. Я припоминаю одного артиллериста, который наделал нам больше хлопот, чем целый батальон. Он остался один подле своей пушки. Три четверти часа обстреливал он нас, ранив и перебив многих моих товарищей. Наконец, мы его схватили... Я еще и теперь помню его: сильный это был человек... «Теперь ваш черед, — сказал он нам, — я сумею хорошо умереть!»²⁰

Подобного рода сообщениями были полны даже самые враждебные Коммуне газеты — французские и иностранные. Взрослые и дети, мужчины и женщины, рядовые бойцы и вожди, — все они умирали смертью героев, бесстрашно глядя в лицо своим палачам. Все газеты обошел рассказ о героической смерти Рауля Риго, члена Коммуны, расстрелянного 23 мая, — он умер с возгласом: «Да здравствует Коммуна! Долой убийц!» Не менее героически умерли член Коммуны рабочий Жак Дюран и член Центрального комитета Национальной гвардии Эдуард Морю, расстрелянные 24 мая во дворе казармы Лобо.

Сознание правоты своего дела, вера в конечное торжество трудящихся — вот что поддерживало коммунаров, вот что девало им силы вынести все муки, все пытки, все издевательства, которым подвергали их версальские палачи. Но такое объяснение было, конечно, неприемлемо для реакционеров, они искали других причин бесстрашия, проявленного коммунарами перед лицом смерти. Граф де-Мен, например, утверждал перед следственной комиссией Национального собрания, что «их твердым намерением было отказаться работать». «Этим — по мнению благородного графа — и объясняется тот цинизм (?! — А.М.) с которым эти люди встречали смерть: не то, чтобы они оказывали энергичное сопротивление, оно могло быть еще большим (?! — А.М.), но все они умерли с известного рода заносчивостью (?! —

А.М.), а так как ее нельзя приписать какому-нибудь моральному чувству (?! — А.М.), то ее следует объяснить одним только желанием скорее расстаться с жизнью, чем жить трудясь (?! — А.М.)»²¹

Ни один из членов следственной комиссии не нашел необходимым возразить что-либо против этого «открытия», сделанного выжившим из ума аристократом, совершенно ослепленным своей классовой ненавистью к трудящимся.

Уцелевших от расстрела ждала медленная агония в кошмарных условиях тюрьмы или концентрационного лагеря, где постелью служила гнилая солома, а пищей — грязная вода, вонючая похлебка и заплесневевшая корка хлеба. В Версале, куда направлялись партии арестованный, торжествующая буржуазия встречала их отборной бранью и криками: «Воры! Убийцы! Поджигатели!» Изящные светские дамы не гнушались плевать им в лицо, бросать в них комьями: грязи, бить их резными ручками своих зонтиков.

Палачи доходили до того, что привязывали свои жертвы к хвосту лошади. Вот случай, приводимый газетой «Таймс»:

«Один человек, с бледным лицом, черноволосый и коренастый, сел на углу улицы Мира и отказался итти дальше. После нескольких неудачных, попыток принудить его итти какой-то солдат, потеряв терпение, ударил его два раза штыком и приказал ему подняться и итти вместе с другими. Это опять не подействовало. Его схватили и насильно посадили на лошадь. Он немедленно соскочил с нее. Тогда его привязали к хвосту лошади и потащили таким образом вперед... От потери крови он лишился сознания. Наконец, совершенно обессиленный, он был привязан к госпитальной повозке, и его повезли на ней под крики и ругань толпы».

О том, как обращались с оставшимися в живых, дает яркое представление следующий рассказ одного рабочего, служившего наборщиком в типографии реакционной газеты «Голуа» и не принимавшего никакого участия в: Коммуне. В тот самый момент, когда он считал себя «освобожденным», он был схвачен в своей типографии патрулем версальцев и препровожден в лагерь Сатори (близ Версаля) — главное место, куда сгонялись арестованные.

«Нас загнали, — рассказывает он, — в огороженное пространство; перед нами были зубчатые стены, а за

20 Там же, стр.424

21 Парламентское следствие о восстании 18 марта 1871. Париж, 1872, стр.296.

ними вооруженные солдаты. С другой стороны на нас были направлены митральезы; я никогда ранее не видел их. Сосед спросил: «Что это такое?» Жандарм, зевая, ответил: «Это? Это — кофейные мельницы, ими завтра очистят все это место». Жандармы приказали нам лечь, мы повиновались. Те, которые замешкались было, тоже упали, но чтобы уже не встать, — их застрелили. Следующий день не принес нам никаких перемен. Мы продолжали лежать. Как только кто-либо из нас приподнимался, пули свистели над нашими головами. Днем еще было сносно, но ночью полил крупный дождь и лил, не прекращаясь. Скоро земля размокла, и положение наше стало невыносимым. Наша одежда, прилипшая сначала к телу, уходила теперь в почву; грязь и люди составляли как бы одно целое. Наиболее смелые пытались было встать, но при каждом движении смертоносные орудия изрыгали свинец и раздавались проклятия пьяных солдат: пули, пущенные наугад, попадали «в кучу», как выразился один офицер...

Когда рассвело, представившаяся нашим глазам картина была ужасна; среди всей этой грязи видны были кровавые лужи, мертвые и раненые лежали вперемежку, последние без всякой помощи. Это было страшно. Меня вывел из моего оцепенения какой-то сильный шум. Он все усиливался, и ему вторил какой-то другой шум. Я поступил, как и другие: стал смотреть... Под конвоем приближалась толпа женщин и детей. Детей! Они шли всю ночь; из-за дождя, лившего почти непрерывно, тонкие ткани их одежды порвались, и многие из них были обнажены почти до пояса; что касается обуви, то дорожная грязь съела ее, и они шли босиком...

Эта картина повторялась пять раз в течение суток. Наконец по алфавиту очередь дошла до меня, и я предстал перед офицером. Не помню, что я ему сказал: я говорил о холоде, о голоде, о дожде и особенно о ребенке... Он отправил меня обратно. На следующий день меня втолкнули в скотский загон и везли в течение 22 часов. Я потерял всякое представление о

дне и ночи. Когда я вышел из загона, то не знал, что сейчас — рассвет или закат».²²

Кровью сочатся страницы воспоминаний социалиста Аллемана, посвященные ужасам «Львиного рва», куда версальские палачи загнали цвет коммунаров, самых видных из участников пролетарской революции 1871 года.

«Мы вступили под свод, который чем дальше, тем становился ниже. У входа пост жандармов... Наши жалкие пожитки брошены на землю. Бригадир Ля-Трик обследует все: нет ничего такого, что стоило бы украсть. Вояка берет узелок и бросает его через барьер, замыкающий вход в подземелье. Жандармы подводят нас к этой перегородке, сделанной из перевернутых ящиков, и по проложенным доскам мы проникаем в нашу новую тюрьму, находящуюся под самым низким местом свода.

Когда-то здесь был склад навоза для оранжерей. После немецкой оккупации склад использовали под свинарник, и от свиней здесь развелось большое количество насекомых. От постоянной сырости пол покрыт лужами.

Свет проникает в «Львиный ров» только из прохода, по которому мы идем. Поэтому сперва мы не различаем ничего, кроме темной дыры, в которой шевелятся смутные очертания человеческих теней.

Понемногу наши глаза освоились с темнотой, и мы разглядели человек двадцать, которые в свою очередь рассматривали нас. Товарищи по заключению приветствовали нас несколькими дружескими фразами, произнесенными шопотом. Некоторых мы узнали, другие называли себя».

Большинство заключенных в этой тюрьме были видными деятелями Коммуны. Но были здесь и люди, которых жандармы бросили в «Львиный ров» просто в минуту дурного настроения...

Один из заключенных был, невидимому, близок к помешательству.

«Этот человек в прошлом был часовщиком и довольно зажиточным. Огромные вши пожирали его. Его изорванная в клочья одежда оставляла обнаженными худые плечи, возле ключиц виднелись две раны, в которых копошились паразиты.

Чтобы отгородиться от всякого общения с ним, его загнали в угол, обсыпанный известью. Эта изоляция еще ухудшала его состояние, еще усиливала его безумие. Иногда он порывался мстить нам за жестокость наших палачей: под прикрытием ночной темноты он подползал к нам на четвереньках и кидал нам в лицо часть насекомых, которые его пожирали.

Впоследствии он был отправлен на понтоны²³. Там его ежедневно погружали в море с помощью веревки, протянутой под мышками. Он погиб с наступлением первых холодов; его мучения длились около 6 месяцев.

«Львиный ров» служил так же и карцером. К нам присылали заключенных для наказания на два-три дня. Беспреданно разыгрывались дикие сцены: несчастных, связанных по рукам и ногам, избивали до крови.

Приходилось одерживаться изо всех сил, чтобы не броситься на этих зверей, которые, конечно, были бы только довольны, если бы мы дали им повод передуть нас.

Главный палач — Саре де-Ланоз — время от времени являлся к нам с визитом. Делал он это для того, чтобы показать своих «львов» товарищам по ремеслу, которые приходили в сопровождении публичных девок».²⁴

Чтобы «оправдать» перед общественным мнением все эти ужасы и зверства, буржуазные газеты, да и сами члены правительства во главе с кровавым Тьером, всячески раздували слухи о «жестокостях», якобы совершенных Коммуной. Они делали это, хотя прекрасно знали, что Коммуна за все время своего существования расстреляла всего 71 человека, и что в это число входили 62 заложника, которые были расстреляны в дни «майской кровавой недели», когда Коммуны, как организованного целого, уже не существовало.

Особенно большой шум подняла реакционная печать вокруг расстрела коммунарами парижского архиепископа Дарбуа. Однако истинным убийцей архиепископа был Тьер. Правительство Коммуны несколько раз предлагало Версалию обменять Дарбуа и ряд других заложников на одного только Бланки, заочно избранного членом Коммуны, арестованного 17 марта вне Парижа, Но Тьер упорно отказывался пойти на это.

«Он знал, — пишет Карл Маркс, — что в лице Бланки он даст Коммуне голову, архиепископ же гораздо более будет полезен ему, когда будет... трупом. В этом случае Тьер подражал Кавеньяку. Как были в июне 1848 г. возмущены Кавеньяк и его «люди порядка», когда они обвиняли инсургентов в убийстве архиепископа Аффра! На деле они прекрасно знали, что архиепископ был застрелен солдатами «партии порядка»».²⁵

Был пущен в оборот весь арсенал клеветнических выдумок и легенд, какие только могло изобрести воображение реакционеров. Тьер говорил о «ядовитых жидкостях», предназначенных коммунарами «для отравления солдат». По его примеру и с его благословения все реакционные газеты в один голос заговорили о водосточных трубах, наполненных торпедами с приготовленной уже для взрыва проволокой; о ящиках с яйцами, наполненными керосином и снабженными капсюлями; об отрядах женщин, которые должны обливаться врагов купоросом; о воздушных шарах, наполненных воспламеняющимися веществами, и т.д. и т.п. «Расписывалось все, что безумие и глупый страх только могли придумать»²⁶.

Буржуазные публицисты даже из республиканского лагеря не останавливались перед утверждением, что революция 18 марта вызвана германским командованием, что коммунары — агенты Бисмарка или экс-императора Наполеона III.

Газета «Голуа» распространяла грязную клевету о Делеклюзе, одной из самых обаятельных фигур среди деятелей Коммуны, глубоком старике, отдавшем всю свою сознательную жизнь революции и стоически умершем на баррикаде.

Многие газеты печатали фальшивые приказы о поджогах, якобы найденные на убитых коммунарах. Эта провокационная легенда о коммунарах-поджигателях была встречена с недоверием даже частью буржуазной печати.

Парижский корреспондент немецкой архибуржуазной «Франкфуртской газеты» доказывал всю вздорность обвинения коммунаров в том, будто они «наполнили керосином сточные трубы, чтобы взорвать весь Париж»:

«Эти истории про батальоны поджигателей, про керосинщиц с бидонами горячего масла, про детей со спичками — плод чистейшего воображения, достойный разве сказок Гофмана; можно было бы только

²³ Пловучие тюрьмы.

²⁴ Жан Аллеман. «С баррикад на каторгу», стр.89—91, ГИХЛ. 1933.

²⁵ Карл Маркс. Избранные произведения, т. II, стр.408, ИМЭЛ—Партиздат, 1934 г.

²⁶ Лиссагарэ, указ.соч., стр.326.

посмеяться над ними, если бы не те несчастные невинные жертвы, которые были вызваны всеми этими гнусными выдумками».²⁷

Коммунары подожгли лишь отдельные здания в целях самообороны (так, ими были подожжены ратуша, префектура полиции и некоторые другие здания); множество пожаров возникло от огня версальской артиллерии (батареи генерала Сиссэ подожгли министерство финансов, бомбы генерала Винуа уничтожали Дворец юстиции, Лирический театр, Палэ-Рояль; батареи генерала Ладмиро подожгли склады и доки Ля-Виллет, маршал Мак-Магон стрелял по Бельвиллю раскаленными ядрами). Особо следует отметить ряд поджогов, совершенных бонапартистами, переодетыми в коммунаров и стремившимися уничтожить документы, которые могли бы скомпрометировать империю (они подожгли Тюльерийский дворец, дом близкого к Наполеону III писателя Мериме и некоторые другие здания), а также поджоги домов, совершенные домовладельцами, рассчитывавшими получить высокую страховую премию, и коммерсантами, желавшими скрыть свои проделки.

Коммунары не отрицали своего участия в некоторых поджогах. Но зато они спасли от пожара целый ряд важных государственных зданий: член Центрального комитета Национальной гвардии Алявуан спас Национальный архив, член Коммуны Тейсс спас почтамт и т.д.

Карл Маркс в манифесте Генерального совета Интернационала дал уничтожающую отповедь клеветнической кампании правительства Тьера и буржуазной печати против коммунаров. Касаясь легенды о «поджигателях», Маркс писал:

«Рабочий Париж в своем геройском самопожертвовании предал огню здания и памятники. Когда поработители пролетариата рвут на куски его живое тело, то пусть они не надеются вернуться в свои неповрежденные жилища. Версальское правительство кричит: «поджог!» и нашептывает своим прихвостням вплоть до самых далеких деревень такой лозунг: «Травите всех моих врагов как простых поджигателей». Буржуазия всего мира наслаждается массовым убийством людей после битвы, и она же возмущается, когда «оскверняют» частные жилища!»

Когда правительства дают своим военным флотам официальное разрешение «убивать, жечь и разрушать»,

есть ли это разрешение поджогов? Когда английские войска умышленно сожгли Капитолий в Вашингтоне²⁸ и летний дворец китайского императора²⁹, — был ли это поджог? Когда пруссаки не из военных соображений, а просто из чувства злобной мести, облив керосином, как это было в Шатодэн, сжигали города и многочисленные деревни — был ли это поджог? Когда Тьер в течение шести недель бомбардировал Париж, уверяя, что желает разрушить только те дома, в которых есть люди, был ли это поджог? — На войне огонь — вполне законное оружие. Здания, которые занял неприятель, бомбардируют, чтобы их сжечь. Когда обороняющимся приходится оставлять эти здания, они сами их поджигают, чтобы нападающие не могли укрепиться в них. Неизбежная судьба всех зданий, мешающих какой бы то ни было регулярной армии, — быть сожженными. Но в войне рабов против их угнетателей, в этой единственной правомерной войне, какую только знает история, такой поступок считают, видите ли, преступлением! Коммуна пользовалась огнем как средством, обороны в самом строгом смысле слова; она воспользовалась им, чтобы не допустить версальские войска в те длинные, прямые улицы, которые Осман³⁰ предусмотрительно приспособил для артиллерийского огня: она воспользовалась им, чтобы прикрыть свое отступление, так же как версальцы, наступая, посылали вперед себя гранаты, которые разрушили не меньше домов, чем огонь Коммуны. Еще до сих пор остается спорным вопросом, какие здания зажжены были наступающими, какие — оборонявшимися. Да и оборонявшиеся только тогда стали пользоваться огнем, когда версальские войска уже начали свои массовые избиения пленных. К тому же Коммуна открыто объявила заранее, что если ее доведут до крайности, то

28 Капитолий (дворец, вмещающий в себе библиотеку и залы заседаний конгресса) был сожжен английскими войсками при взятии Вашингтона во время так называемой «второй освободительной войны» США против Англии (в 1812—1814 гг.).

29 Летний дворец китайского императора в Пекине — это чудо китайского искусства — был сожжен по приказу английского комиссара лорда Эльджина во время англо-французской военной экспедиции в Китай (18/Х-1860 г.).

30 Барон Осман — префект Сенского департамента, под руководством которого в 60-х годах 19 в. была проведена перестройка Парижа, выразившаяся в сносе многих исторических зданий и улиц и прокладке новых, больших бульваров.

она похоронит себя под развалинами Парижа и сделает из Парижа вторую Москву; такое же обещание давало раньше правительство национальной обороны, но, конечно, только для того, чтобы замаскировать свою измену. Для этого Трошю³¹ и приготовил запас керосина. Коммуна знала, что враги ее очень мало интересовались парижским народом, но очень дорожили своими домами в Париже. А Тьер, со своей стороны, объявил, что он будет мстить беспощадно. Когда, с одной стороны, армия его уже была готова к бою, а с другой — пруссаки запирали все выходы, он воскликнул: «Я буду беспощаден! Искупление должно быть полное, суд строгий!» Если парижские рабочие поступали, как вандалы, то это был вандализм отчаянной обороны, а не вандализм торжествующих победителей, каким был тот вандализм, в котором повинны и христиане, истребившие действительно бесценные памятники искусства древнего языческого мира; но даже этот вандализм история оправдала, потому что он был неизбежным и сравнительно незначительным моментом в колоссальной борьбе нового, нарождавшегося общества с разлагавшимся старым, и уже всего менее походи; поступок Коммуны на вандализм Османа, уничтоживший исторический Париж, чтобы очистить место Парижу проходивцев».

...«То, что «партия порядка» после всех своих кровавых оргий распространяла столько клеветы о своих жертвах, доказывает лишь, что наши буржуа считают себя законными наследниками прежних феодалов, которые признавали за собой праве употреблять против плебеев всякое оружие, но считали преступлением, если плебеи брались сами за какое бы то ни было оружие».³²

Так заканчивал Маркс свой ответ на клеветническую кампанию, поднятую французской и международной реакцией против Коммуны.

К середине июня расстрелы без суда прекратились. Прекратились не потому, что победители почувствовали сострадание к побежденным, а потому, что дальнейшее нагромождение трупов, которые едва успевали хоронить, грозило распространением эпидемий.

«Кто хоть несколько минут пробыл в сквере, скажем лучше в склепе Тур-Сен-Жак, тот никогда его не забудет», — писала газета «Тан»: «Из-под земли, недавно взрытой заступом, то тут, то там торчат головы, руки, ноги, пальцы. Среди цветущей природы — трупы. Это ужасно. В саду стоит омерзительный приторный запах. В некоторых местах он переходит в невыносимое зловоние».

В парке Монсо разбухшие от дождей трупы выступали из-под тонкого слоя земли, под которым они были зарыты. В Сент-Антуанском предместьи они валялись грудками. Во дворе Политехнической школы они покрывали пространство в сто метров длины и в три метра высоты. Триста трупов, брошенных в озеро с холмов Шомона, всплыли на поверхность и заражали все вокруг. Буржуазные газеты испугались.

Те самые газеты, которые призывали к резне, кричали теперь: «Довольно!». «Перестанем убивать», — писала 2 июня газета «Пари-журналь». «Мы требуем, — поясняла она, — не помилования, но отсрочки».

Началась очистка города от трупов.

«Экипажи всех сортов, телеги для перевозки мебели, шарабаны, омнибусы — собирали трупы во всех кварталах. В первый раз со времени великих эпидемий чумы по улицам ехало столько телег с человеческими трупами. Некоторые из них настолько разложились, что их пришлось везти большой скоростью, в герметически закупоренных вагонах. Потом их сбрасывали в наполненные известью рвы. Парижские кладбища не вмещали всех. Бесчисленные жертвы длинными рядами заполняли огромные рвы Пер-Лашеза, Монмартра, Монпарнасса... Другие были отвезены в окрестности Парижа — Шаронн, Баньолэ, Бисетр, Берси, где были свалены в траншеи, вырытые во время осады, и даже в колодцы... Женщины стояли у края траншей и рвов, стараясь распознать дорогие останки. Полиция ждала, не выдаст ли близких проявление скорби, и арестовывали этих «самок инсургентов». Не хватало сил

31 Трошю — генерал, председатель образовавшегося 4/IX-1870 г. после падения империи Наполеона III «правительства национальной обороны» (оно просуществовало до 13 февраля 1871 г., после чего уступило место Правительству Тьера).

32 Карл Маркс. Избранные произведения, т. II, страница 40—407—408, ИМЭЛ—Партиздат, 1934.

для того, чтобы закопать всю эту армию мертвых, пытались их сжечь. Набитые трупами казематы были наполнены воспламеняющимися веществами и подожжены. На высотах Шомона сложили колоссальный костер, облили его керосином и подожгли. По целым дням густой смрадный дым стлался по улицам».³³

Тюрьмы и казематы Парижа, концентрационные лагеря Версаля и Сатори были переполнены.

«В первых числах июня пленных стали переправлять в морские порты в вагонах для перевозки скота. Туго натянутый брезент почти не пропускал воздуха. В углу лежала грудa сухарей, которые вскоре превратились в пыль под тяжестью тел брошенных на них заключенных. В продолжение двадцати четырех часов, а иногда и дольше, они оставались без другой пищи и питья. В этих душных клетках дрались за воздух, за место. Из вагонов не выпускали; испражнения больных смешивались с грязью, в которую превратились сухари...»³⁴

За три месяца, с июня по сентябрь, 20.000 арестованных были погружены на 25 понтонов (пловучие тюрьмы), 7.837 размещены на фортах и островах, расположенных у берегов Франции. Условия заключения на понтонах, как и в фортах, были ужасны. Арестованные помещались в клетках, сделанных из толстых дубовых досок и железных брусев. Свет едва проникал в эти клетки. Никакой вентиляции. С первых же часов пребывания в этих клетках вонь становилась невыносимой. Ни гамаков, ни одеял. Горсть сухарей или небольшой кусок хлеба и немного фасоли — вот и вся пища. Справа и слева на клетки глядят заряженные пушки. Часовым дан приказ стрелять при малейшей жалобе.

Особенно жестокий режим царил на понтоне «Байяр», командир которого обращался со своими заключенными, как с каторжниками. Абсолютное молчание было обязательным правилом на этом судне. Как только в клетках начинали говорить, появлялись сторожа с бранью и угрозами; несколько раз они стреляли в нарушителей «устава».

Тюрьмы и форты были так же ужасны, как и понтоны. Знаменитый ученый географ Элизе Реклю, сражавшийся в рядах армии Коммуны, взятый в плен еще в начале апреля и переме-

нивший 14 мест заключения, оставил потрясающее описание некоторых из них.

«Жилище, отведенное нам, — рассказывает он про свою третью тюрьму, форт Келерн в Бретани, — состояло из 20 комнат. В каждой из них помещалось по 40 человек, лежавших друг подле друга на грязной соломе, оставшейся от прежних арестантов. В казематах, бывших на одном уровне с двором, воздух в продолжение ночи был ужасен, но в казематах, расположенных ниже, вонь была еще ужаснее. Из плохо сколоченных отхожих мест содержимое просачивалось через стены, и к утру зловонная жижа толщиной в 1 или 2 дюйма наполняла нижний каземат. Были казематы, отбитые с одной стороны: нечего было и думать помещать там пленных. Позднее, когда к восьмистам заключенным прибавилось еще двести, их поместили в бараке посреди двора. Когда шел дождь, — а дождь шел вода текла в барак. Пища: первый месяц сухари и прогорклое сало.

«Кто заявит, что сухари заплесневели, пойдет в карцер». Второй месяц — немножко варева по воскресным дням, в прочие дни «суп» и попеременно то хлеб, то сухари... Благодаря горному воздуху и душевной энергии, которая не покидала нас, все шло довольно сносно, — умерло всего только пять человек, — когда явился Жюль Симон (министр народного просвещения в правительстве Тьера — А.М.), чтобы облегчить нашу долю. Он нашел, что у его бывших избирателей очень неблагонамеренные физиономии. Решено было прибегнуть к строгости. На следующий день пришел приказ удалить меня из этой тюрьмы, закрыть основанные нами курсы, а восемь дней спустя отобрали нашу маленькую библиотечку. В то время упорных стали укрощать карцером».

А вот как описывает тот же Реклю свою шестую тюрьму:

«Собачья конура в Сен-Жермене. На дворе, в одном из сараев которого мы заключены, находится очень хорошая конюшня. Туда помещают лошадь господина полковника, когда он удостоивает нас визитом. Что касается нас, то для нас хороша и конура. Ее окна забиты досками и брусьями, воздух проходит только через форточки. В помещении — четыре параша, которые выносят каждое утро. Потолок низок, воздух

³³ Лиссагарэ. Указ. соч., стр. 318.

³⁴ Там же, стр. 330–331.

такой, что нечем дышать. Если поставить там лошадей, то их поместится шестнадцать. Нас же набиралось там 60, 80, 100 и даже 117, как утверждал один товарищ».³⁵

Только коллективные ходатайства ученых нескольких стран избавили Реклю от дальнейших страданий и дали ему возможность выбраться на свободу и уехать в Швейцарию.

Одной из самых ужасных была тюрьма Шантье в Версале. В течение двух-трех недель заключенные лежали здесь на голом полу; позже им дали немного старой соломы для подстилки. Единственной пищей в течение долгого времени являлся хлеб военного времени. Долго велась борьба за то, чтобы получить ложки. Спать было почти невозможно из-за кишевших всюду насекомых, особенно вшей, которых было так много, что можно было слышать их шорох. Солдатам, сторожившим эту тюрьму, был отдан приказ стрелять, как только кто-нибудь пошевелится. В этом аду была заключена Луиза Мишель, «красная дева» Коммуны, народная учительница и профессиональный революционер (впоследствии она стала анархисткой).

800 женщин были заключены в хлебных складах Западного вокзала. Целыми месяцами они не имели возможности переменить белье. При малейшем шуме сторожа бросались на них и били веревками или палками. Начальник этого застенка, капитан Мерсеро, показывая его «светским» посетительницам, кричал на заключенных коммунарок. Многие женщины сошли с ума. Со всеми бывали временные припадки безумия. Те, которые были беременны, рожали мертвых детей.

Не менее жестоко обращались с детьми. Секретарь капитана Мерсеро ударом ноги в живот убил одного малютку. Сын скрывшегося члена Коммуны Ранвье, мальчик 12 лет, был жестоко избит за то, что отказался выдать убежище своего отца.

Ужасающие условия заключения сделали свое дело: 1.179 человек — по официальным данным, в действительности же почти вдвое больше — умерло в тюрьме от различных болезней, развивавшихся на почве грязи, сырости, недоедания, побоев. За вычетом этих 1.179 умерших и 1.090 человек, взятых на поруки, оставалось еще 36.300 заключенных, которые ждали суда.

36.300 человек, арестованных при подавлении Коммуны, были преданы военным судам. Эти суды заседали до 1876 г. Вопреки всем стараниям руководителей этого классового правосудия 22.926 человек пришлось выпустить на свободу за отсутствием

всяких улик; выпущены они были лишь после долгого пребывания в тюрьмах. По данным отчета генерала Аппера главного руководителя версальской военной юстиции, опубликованным в январе 1875 г., было вынесено 13.450 обвинительных приговоров, из них 3.313 заочно.

Было приговорено

		В том числе женщин детей	
К смертной казни	270	8	—
К каторжным работам, срочным и пожизненным	210	29	—
К высылке с заключением в крепость	3.989	20	—
К простой ссылке	3.507	16	1
К долголетнему тюремному заключению	1.269	8	—
К простому заключению	.64	10	—
К общественным работам . . .	.29	—	—
К заключению на срок до 3 мес.	432	—	—
К заключению на срок от 3 мес. до 1 года	1.622	50	1
К заключению на срок свыше года	1.344	15	4
К изгнанию	322	—	—
К отдаче под надзор полиции . .	117	1	—
К штрафу	9	—	—
К исправительной тюрьме для несовершеннолетних	.56	—	56

В эту статистику не вошли приговоры, вынесенные другими судебными; инстанциями (уголовными судами, судами исправительной полиции и т.д.), в частности 15 смертных приговоров, 22 каторжных приговора, 57 приговоров к ссылке и 74 к долголетнему тюремному заключению. Общее число осужденных в Париже и в провинции превысило, таким образом, 13.700.

Вопреки всем крикам реакционеров о том, что революция 15 марта и Коммуна — дело рук «уголовных» преступников, оказалось, что 7.119 осужденных не имели никакой судимости в прошлом, 524 человека судились ранее за политические преступления или за нарушение полицейских правил, 2.381 лицо привлекалось к суду по обвинению в «преступлениях», о характере которых официальный отчет умалчивает. Иностранцев среди осужденных коммунаров было всего 396, — явное доказательство лживости утверждений контрреволюции, что Коммуна — дело рук чужеземцев.

Среди приговоренных к различным наказаниям насчитывалось 29 членов Коммуны, 49 членов Центрального комитета Национальной гвардии и несколько десятков других видных деятелей

35 Лиссагарэ. Указ.соч., стр.438—441 (Из письма, присланного Элизе Реклю автору этой книги).

революции 18 марта. Огромное большинство осужденных были национальными гвардейцами, т.е. сооруженными защитниками Коммуны. На 10.137 человек, приговоренных военными судами, приходилось 7.418 национальных гвардейцев и унтер-офицеров, 1.942 младших офицера и 225 старших офицеров Национальной гвардии³⁶.

Данные о социальном положении осужденных лишни раз вскрывают классово-пролетарский характер Коммуны.

На первом по числу месте стоят поденные рабочие (2.901), на втором — слесаря (2.664), на третьем — столяры (2.295), на четвертом — каменщики (2.293). Затем идут приказчики (1.598), сапожники (1.491), конторщики (1.065), маляры (863), типографские рабочие (819), каменотесы (766), портные (681), рабочие ювелирного дела (528), плотники (382), кожевники (347), штукатуры (283), жестяники (227), литейщики (224), шапочники (210), портнихи (206), басонщики (193), граверы (182), часовщики (179), позолотчики (172), печатники обоев (159), формовщики (157), картонажники (124), переплетчики (106), учителя (106), инструментальщики (98).

Приведенные цифры показывают решительное преобладание рабочих и служащих среди осужденных участников Коммуны. Из 1.051 женщины, привлеченных к судебной ответственности по обвинению в том, что они участвовали в Коммуне, огромное большинство (около 1.000) принадлежало к трудовым слоям населения. Из общего числа 650 детей, отданных под суд по подозрению в участии в Коммуне, сироты и брошенные на произвол судьбы составляли свыше трети.

Смертные приговоры утверждались «Комиссией помилования», учрежденной 30 июня 1871 г. Комиссия эта, заслужившая вскоре прозвище «Комиссии убийц», состояла из 15 членов Национального собрания — крупных буржуа, помещиков-аристократов, реакционных чиновников; почти все они были монархистами. Председатель комиссии Луи-Жозеф Мартель, в прошлом адвокат, затем судья, проявил себя крайним реакционером еще во время буржуазной революции 1848 г.; в Национальном собрании 1871 г., заместителем председателя которого он был, он неизменно поддерживал Тьера. Один из

членов комиссии Корн в 1848 г. в качестве главного прокурора жестоко расправлялся с убежденными июньскими инсургентами

Судебная расправа началась 7 августа процессом 15 член Коммуны и 2 членов Центрального комитета Национальной гвардии. Среди них были: бывший комиссар ведомства общественной безопасности³⁷ Ферре, бывший председатель первого ЦК Национальной гвардии Асси, комиссар внешних сношений Паскаль Груссэ, комиссар финансов Журд и др.

Среди них было 6 рабочих, 2 счетовода, 2 журналиста, 2 педагога, 2 врача, 2 художника (в том числе Гюстав Курбе, гениальнейший из французских художников середины XIX века), один офицер в отставке.

Самые выдающиеся из вождей первой пролетарской революции были либо убиты во время Коммуны (Флуранс, Дюваль) или в майские дни (Варлен, Делеклюз, Риго, Домбровский), либо умерли от ран и болезней (Ворморель, Тридон); некоторые успели скрыться от преследований (Вальян, Френкель и др.).

Обвиняемые предстали перед 3-м военным судом, открывшим свои заседания под председательством бонапартиста полковника Мерлена. Обвинительный акт, составленный комиссаром правительства майором Гаво, незадолго до того вышедшим из сумасшедшего дома (три месяца спустя он снова попал туда и там умер), представлял собой сводку всех полицейских благоглупостей и клеветнических выдумок, которые распространялись о Коммуне в течение трех месяцев реакционной печати.

Революция 18 марта и Коммуна изображались как результат двух «заговоров» — «революционной партии» и Интернационала. Расстрел генералов Леконта и Клемана Тома, совершенный 18 марта солдатами, перешедшими на сторону восставшего народа, приписывался Центральному комитету Национальной гвардии, абсолютно не причастному к этим расстрелам. Коммуне приписывались всевозможные «кражи». Контрреволюционная демонстрация 22 марта на Вандомской площади, рассеянная по приказу Центрального комитета, изображалась, вопреки очевидности, как мирная демонстрация безоружной толпы. Взрыв патронного завода на улице Рапп — дело рук версальских провокаторов — был представлен как дело самой Коммуны, якобы стремившейся этим путем разжечь дикую ненависть к врагу в сердцах федератов.

³⁶ Офицеры Национальной гвардии, т.е. гражданского ополчения, не означались, а избирались самими гвардейцами и из своей же среды.

³⁷ Ведомство общественной безопасности - ведомство борьбы с контрреволюцией.

Обвинительный акт начисто обходил всю социально-экономическую политику Коммуны, извращал все ее революционные действия и явно был направлен к тому, чтобы превратить этот процесс в (простое уголовное дело о «поджигателях», «ворах» и «убийцах». Все было пущено в ход для того, чтобы добиться осуждения обвиняемых, все — вплоть до лжесвидетельств и фальшивок. Последних было предъявлено на процессе четыре, причем все они содержали приказы о поджогах, якобы отданные членами правительства Коммуны. Ферре обвинялся в том будто он приказал сжечь здание министерства финансов. Как доказательство на суде фигурировал фальшивый приказ, под которым было поставлено поддельное факсимиле Ферре³⁸.

Допрошенный первым Ферре заявил, что перед лицом таких судей он считает бесполезным защищаться. Он ограничился тем, что положил на стол суда свое письменное заключение по поводу предъявленных ему обвинений. «Заключения поджигателя Ферре не имеют значения», — заявил Гаво и велел вызвать «свидетелей» обвинения. Их было 24: из них 14 состояли на службе полиции, остальные были либо попами, либо чиновниками. «Эксперт» по почеркам утверждал, что приказ «подожгите министерство финансов» якобы был подписан рукою Ферре. Тщетно обвиняемый требовал, чтобы подпись под этим приказом была сличена с его подписями под документами, подлинность которых он не оспаривал, или, по крайней мере, чтобы был представлен оригинал инкриминируемого ему приказа. Суд отказался удовлетворить требования Ферре.

В своем выступлении на суде Ферре сказал:

«Член Парижской коммуны, я нахожусь в руках ее победителей. Они хотят моей головы — пусть берут ее. Никогда я не стану спасать свою жизнь подлостью! Свободным жил я, свободным и умру. Прибавлю только одно: судьба капризна, завещаю будущему заботу о моей памяти и мести за меня».

Мерлен: «Память об убийце».

Гаво: «В каторжную тюрьму следует послать за подобный манифест».

Когда адвокат потребовал занесения, в протокол слов Мерлена «память об убийце», оказанных по адресу

Ферре, — в зале поднялся вой, а Мерлен с исключительной наглостью заявил: «Я признаю, что употребил выражение, о котором говорит защитник. Суд примет к сведению ваше заявление».³⁹

Не все обвиняемые проявили такую стойкость, как социалист Ферре, который, несмотря на свои 26 лет, имел уже солидный стаж профессионального революционера, а во время Коммуны был одним из самых решительных членов ее правительства (недаром ему был доверен такой боевой пост, как руководство ведомством борьбы с внутренней контрреволюцией).

Прекрасно держался также член Коммуны Тренке, рабочий, сапожник по профессии, примыкавший, как и Ферре, к группе бланкистов и работавший при Коммуне в том же ведомстве общественной безопасности. «Я был послан в Коммуну моими согражданами», — заявил он. — «Я жертвовал своей жизнью, я был на баррикадах... Я — инсургент и не стану этого отрицать».

Бывший комиссар финансов Журд в своем выступлении на процессе воспроизвел по памяти, не сделав ни одной ошибки, цифры доходов и расходов Коммуны.

Процесс занял 17 заседаний. Председатель суда и правительственный комиссар обращались к подсудимым все время в цинично-издевательском тоне. Публика, состоявшая из разодетых буржуа и их дам, освистывала подсудимых и аплодировала прокурору. Адвокаты, за редкими исключениями, оказались далеко не на высоте положения. Вне зала суда буржуазная пресса неистовствовала, обливая грязью обвиняемых и требуя их смерти. «Нечего увлекаться теориями: перед нами банда злодеев, убийц, воров и поджигателей», — вопила газета, носившая название «Свобода» («Ля Либертэ»): «Снисходить к их положению обвиняемых, требовать по отношению к ним уважения, предполагать, что они могут оказаться невинными, порядочными... Нет, нет, тысячу раз нет!.. Это не обыкновенные подсудимые: одни из них схвачены на месте преступления, виновность других настолько доказана (?! — А.М.) их собственными действиями, что достаточно удостоверить их личность, чтобы воскликнуть решительно, с глубоким убеждением: да, да, они виновны!». Даже корреспонденты английских буржуазных газет были возмущены подобными статьями. «Трудно представить себе что-либо более

38 Вот текст этой фальшивки: «Гражданин Люсэ! Тотчас же подожгите министерство финансов и присоединяйтесь к нам. Т.Ферре. 4 прериаля 79 года республики» (24 мая 1871 г.).»

39 Накануне, когда один адвокат заметил: «Все мы ответственны не перед нынешним общественным мнением, но перед судом истории», тот же Мерлен хладнокровно ответил: «Ах, история! Но ведь тогда нас уже не будет!..»

гнутое, чем тон бульварной прессы во время этого процесса», — писал консервативный «Стандарт»⁴⁰.

В своей заключительной речи правительственный комиссар утверждал то же, что и в обвинительном акте: что участники коммуны — не политические, а уголовные преступники. Правда, в другом месте той же речи, противореча самому себе, он признавал, что «Коммуна исполняла функции правительственной власти». Говоря о Ферре, он заявил членам суда: «Я потерял бы свое и ваше время, если бы стал излагать все те многочисленные обвинения, которые тяготеют над ним». О Журде он заметил: «Цифры, которые он дает вам, совершенно фантастичны; я не стану злоупотреблять вашим временем и обсуждать их». Свидетели-буржуа показывали, что Журд, сделавшись комиссаром финансов Коммуны, «нисколько не изменил своего образа жизни», что «жена его продолжала сама ходить в общественную прачечную и мыть там свое белье, а маленькая дочь — посещать школу для бедных детей». Это не помешало Гаво заявить: «Они (члены Коммуны — А.М.) разделили между собою миллионы» В действительности же в своей финансовой политике Коммуна проявила, по выражению Маркса, «честность, доведенную до мнительности». Это привело к тому, что она оставила почти нетронутыми миллиарды, находившиеся во Французском банке, лишив себя средств, необходимых как для военной борьбы, так для социальных реформ⁴¹.

В заключение правительственный комиссар просил членов суда быть беспощадными и мотивировал необходимость суровых приговоров тем, что «партия, к которой принадлежат эти люди, не побеждена». Так сильно боялись версальские палачи даже побежденных коммунаров.

2 сентября приговор по делу 15 членов Коммуны и 2 членов Центрального комитета был объявлен. Двое из них, в том числе Ферре, были приговорены к смертной казни, остальные к пожизненной каторге, тюрьме или ссылке. Только двое были оправданы (один из них вышел из состава Коммуны задолго до ее падения).

Так закончился этот, самый значительный в политическом отношении, процесс парижских коммунаров.

21 сентября пришла очередь Рошфора. Знаменитого публициста судили вместе с сотрудником его газеты «Мо д'Ордр» («Пароль») Анри Маре и секретарем редакции той же газеты Мюро.

О том, как глупо вел себя следователь, которому было поручено дело Рошфора (некий д'Амеленкур), можно судить по следующему допросу:

«В статье «Заложники», — рассказывает в своих воспоминаниях Рошфор, — я протестовал против предстоявших казней, хотя версальские жестокости вполне оправдывали их. И даже именно вследствие этого протеста Рауль Риго прокурор Коммуны — А.М.) решил уничтожить мою газету, а также и меня самого (перед самым падением Коммуны Рошфору грозила арест и закрытие его газеты — А.М.). И вот расшитый галунами пехотный капитан, которого мне дали в следователи, построил почти весь свой обвинительный акт на этой статье, притворяясь, что думает, или, может быть, действительно думая, что, напечатав слово «заложники», я имел в виду толкать на казнь тех, кто был арестован Коммуной.

— Но вам достаточно прочесть мою статью о заложниках, — говорил я ему, — чтобы убедиться в том, что я написал ее как раз с целью воспрепятствовать их умерщвлению.

— Возможно, сударь, — возразил он тоном победителя, — но в таком случае, почему же название статьи напечатано такими крупными буквами?

— Потому что наборщики, — сказал я, совершенно оцепенев, — заглавие всегда набирают другим шрифтом, нежели текст.

— Нет, нет, — настаивал капитан, — если бы у вас не было задней мысли, вы бы распорядились напечатать это заглавие менее крупным шрифтом.

Вот какие вопросы умудрялся он мне ставить. Но были все же и более забавные вопросы. Например:

— При обыске, произведенном в вашей квартире на улице Шатоден, нашли доказательства вашей принадлежности к шайке международных реакционеров.

— Не понимаю, что вы под этим подразумеваете, — заявил я ему.»

<стр.36-37 в оригинале отсутствуют>

40 Лиссагарэ. Указ.соч., стр.336.

41 Главный виновник этой оппортунистической политики — комиссар Коммуны при Французском банке Шарль Белэ — не подвергся преследованиям и получив от правительства Тьера пропуск на выезд за границу, уехал в Швейцарию.

18 ноября был объявлен приговор по делу о расстреле генералов Леконта и Клемана Тома (оба эти генерала были расстреляны на Монмартре утром 18 марта солдатами 88-го полка, перешедшими на сторону восставшего народа). Процесс вел председатель 6-го военного суда полковник Обер. Семь человек приговорены были к смертной казни, девять оправданы, остальные десять присуждены к различным наказаниям — от каторжных работ до тюремного заключения. Среди приговоренных к смертной казни был сержант Верданье, который 18 марта поднял свое ружье прикладом вверх, отказавшись стрелять в народ. Одному из осужденных на смерть, Леблону, было только 15,5 лет («Комиссия помилования» заменила ему казнь ссылкой). Более, циничный процесс, чем этот процесс «убийц генералов» (так назывался он на официальном жаргоне), трудно вообразить. Год спустя 21-й военный суд вынес еще один смертный приговор по этому делу, а семь лет спустя по тому же делу был осужден 72-летний старик Гарсен.

До 22 января 1872 г. 105 человек были осуждены на смерть; из них расстреляны были 26. Первые казни по суду состоялись 28 ноября 1871 г. В этот день были расстреляны Ферре, военный комиссар Коммуны Россель и сержант 45 полка Буржуа, перешедший на сторону Коммуны⁴². Ферре проявил исключительную стойкость как во время своего долгого тюремного заключения, так и в момент казни. Ни тяготевший над ним смертный приговор, ни трагическая судьба его семьи (его отец и брат сидели в тюрьме за участие в Коммуне, мать от горя сошла с ума, а затем умерла) не могли лишить его душевной бодрости и веры в конечное торжество дела, за которое он боролся, дела трудящихся.

«Я прихожу ко все более твердой уверенности в конечном торжестве наших идей», — писал он 8 октября своей соседке по версальской тюрьме Луизе Мишель: «Мы были побеждены, что ж, мы добьемся реванша, а если не мы, то наши братья, какое значение имеет в таком случае то; что я этого не увижу? Я знаю цену энергии моих товарищей по борьбе — моя казнь только усилит их рвение».

Приговоренный к смерти утешает своего более счастливого товарища: «Вместо того, чтобы горевать по поводу нашего поражения, взгляните в его последствия и вы согласитесь со

мною, что никогда еще социализм не был так необходим, как в настоящее время. Во Франции слишком много республиканцев, чтобы было возможно прочно восстановить монархию, и если мои предвидения верны, ближайшие годы принесут крупные перемены, тем, кто останется жив. Желаю вам оказаться среди них».⁴³

В предсмертной записке к сестре он выражал ей свою последнюю волю — быть погребенным без религиозных обрядов: «я умираю таким же материалистом, каким жил», — писал он.

Совершенно иначе вел себя и в тюрьме и перед казнью Россель. Газеты опубликовали его записки, в которых он писал, что разочаровался в Коммуне.

Россель встретил смерть мужественно, но его последние мысли и слова были иными, чем у Ферре. Ферре умирал убежденным атеистом, Россель — верующим христианином, Ферре шел на казнь с верой в то, что будущее отомстит за Коммуну, Россель в предсмертной записке выражал пожелание, чтобы революционная партия, если ей суждено когда-либо снова притти к власти, не мстила за его смерть. И на месте казни поведение бывшего кадрового офицера, неустойчивого попутчика Коммуны (он оставил ее в разгар борьбы) — Росселя разнилось от поведения профессионального революционера, стойкого борца за дело Коммуны — Ферре. Вот как описывает эту казнь историк Коммуны и ее участник Лиссагарэ:

«Едва начинало светать. Было холодно. Перед холмом Сатори пять тысяч человек с оружием в руках окружали три белых столба, охраняемых взводом из двенадцати исполнителей казни. Командовал полковник Мерлен, совмещая в своем лице победителя, судью и палача. Несколько любопытных, офицеры и журналисты, составляли всю публику.

В семь часов прибыли фургоны осужденных. Барабаны ударили в поход, загрели трубы. Осужденные сошли в сопровождении жандармов. Россель отдал честь офицерам. Буржуа, с бесстрастным видом наблюдавший за приготовлениями к казни, прислонился к среднему столбу. Ферре сошел последним, одетый в черную пару, с моноклем в глазу и с сигарой в зубах. Твердым шагом подошел он к третьему столбу.

⁴² Этот полк имел свои революционные традиции; из его рядов вышли четыре сержанта, казненные в 1822 г. в Ла-Рошели за участие в революционном заговоре против монархии Бурбонов.

⁴³ Ирма Буайе. «Красная дева». Луиза Мишель по неизданным документам. Предисловие А.Барбюса. Париж, 1927, стр.93—94.

Россель позволил завязать себе глаза. Ферре сбросил повязку, оттолкнул подошедшего к нему попа и, поправив монокль, стал смотреть прямо в лицо солдатам.

После того как приговор был прочитан, адъютанты опустили сабли. Россель и Буржуа упали навзничь. Ферре еще стоял, раненый в бок. Один из солдат приставил ему к уху шаспо и раскроил ему череп; та же «милость» была оказана Буржуа. Росселя избавили от нее.

По жесту Мерлена затрубили трубы, и, по обычаю дикарей, войска с триумфом прошли перед трупами». ⁴⁴

Казни 28 ноября произвели огромное впечатление не только во Франции, но и за ее пределами. В провинции некоторые левые газеты почтили память расстрелянных и призывали проклятия всей страны на «Комиссию помилования» — «комиссии-Убийц», как назвал ее один депутат. Редакторы этих газет были преданы суду, но их оправдали.

30 ноября, через два дня после тройной казни в Сатори, в Марселе был расстрелян Гастон Кремье, молодой адвокат, мелкобуржуазный радикал, вождь Марсельской коммуны 1871 г., клеймивший буржуазно-помещичье Национальное собрание в самый день его открытия знаменитыми словами: «Сельское большинство — позор Франции». Это большинство помещиков-монархистов и послало его на казнь — после пятимесячной пытки ожидания смерти (он был осужден еще в июне). Он сказал своей страже: «Я покажу, как умеет умирать республиканец: Его поставили у того самого столба, у которого за месяц до того был расстрелян солдат Паки, примкнувший к марсельскому восстанию. Кремье потребовал и добился того, что ему не завязали глаз. Он умер с возгласом «Да здравствует республика!»: Последнее слово он уже не успел договорить.

Тем временем военные суды продолжали свою кровавую работу. 30 ноября был приговорен к смерти за участие в расстреле Шодэ, публициста и бывшего помощника парижского мэра одного из заложников Коммуны, инженер Прео де-Ведель участие его в этом расстреле выразилось в том, что он держал при этом фонарь.

5 декабря последовал новый смертный приговор. Вынесен он был 3-м военным судом, заседавшим в это время под председательством полковника Жобэ. «О нем говорили, что он потерял сына в борьбе с Коммуной. Как он мстил за это! Его

маленький, укрывшийся в морщинах, глаз подстерегал выражение страха на лице несчастных, которых он приговаривал. Всякий призыв к справедливости, к здравому смыслу был в его глазах оскорблением. По его словам, он был бы счастлив, если бы и с адвокатами можно было расправиться так же, как и с обвиняемыми»⁴⁵. Приговор, вынесенный Жобэ 5 декабря, осуждал на смерть полковника Лисбонна, одного из самых храбрых военачальников Коммуны, бывшего солдата, участника ряда походов. Лисбонн появился в суде мертвенно бледный, страдая от тяжелых ран, полученных в майские дни. «Я принимал участие в восстании и не буду отрицать этого», — гордо заявил он в своем заключительном слове. Смертная казнь была заменена ему потом пожизненной каторгой.

16 декабря перед 6-м военным судом, заседавшим под председательством полковника де-ла-Порт, предстала Луиза Мишель, томившаяся в тюрьме (правильнее было бы сказать — в тюрьмах) с момента своего ареста в майские дни. В тюрьме она не переставала бросать вызов в лицо победителям; в своих стихах и письмах она клеймила версальских палачей и заявляла с своей решимости отомстить за расстрелянных 28 ноября.

С таким же бесстрашием держала себя «красная дева» и на суде.

«Я не хочу защищаться и не хочу, чтоб меня защищали», — заявила она: «Вся моя жизнь принадлежит социальной революции, и я принимаю на себя ответственность за все свои действия, без исключения. Вы укоряете меня в том, что я принимала участие в казни генералов. На это я отвечаю: они хотели стрелять в народ, и будь я там, я не поколебалась бы приказать расстрелять их, раз они отдавали подобные приказания. Что касается поджогов в Париже, — верно, я принимала в них участие, так как хотела задержать наступление версальцев преградой из огня; но соучастников у меня не было: я действовала по собственному побуждению и за свой страх. Мне говорят также, что я участница Коммуны. Да, конечно, это так. Ведь Коммуна стремилась, прежде всего, к социальной революции, а социальная революция — это самая дорогая для меня цель. Я горжусь тем, что была одним из ее глашатаев».

⁴⁴ Лиссагарэ. Указ.соч., стр.349.

⁴⁵ Лиссагарэ. Указ.соч., стр.344.

Правительственный комиссар требовал изъятия обвиняемой из «общества», для которого она представляла, по его словам, «непреодолящую опасность».

Луиза Мишель: «От вас, которые именуют себя военным судом и выдают себя за моих судей, я требую одного — смерти в Сатори, где уже пали мои братья. Вы говорите, что меня надо изъять из общества и вам приказано это сделать. Ну, что-ж. Комиссар республики прав. Так как всякое бьющееся за свободу сердце имеет только одно право, право на маленький кусочек свинца, то я требую своей доли. Если вы оставите меня в живых, я не перестану кричать о мщении и призову своих братьев к мести убийцам из комиссии помилования».

Председатель суда: «Я не могу больше позволить вам говорить».

Луиза Мишель: «Я кончила... Если вы не трусы, убейте меня».⁴⁶

У судей не хватило смелости убить ее сразу. Она приговорена была к ссылке и содержанию в крепости. Мужественное поведение Луизы Мишель на военном суде снискало ей огромное уважение даже среди людей, далеких от революционной борьбы. Знаменитый французский писатель Виктор Гюго посвятил ей поэму, в которой воздал должное ее героизму.

8 января 1872 г. в 6-м военном суде началось слушание дела о казни архиепископа Дарбуа и пяти других заложников Коммуны, расстрелянных одновременно с ним.

Дело это заняло тринадцать заседаний. Среди 23 обвиняемых выделялся своим бесстрашием, стойкостью своих политических убеждений Гюстав Жантон. Рабочий (по профессии столяр), старый участник революционного движения, он дрался на июньских баррикадах 1848 г., принимал затем активное участие в республиканском движении в годы Второй империи, состоял членом Интернационала, а во время Коммуны занимал ответственный пост следователя по политическим делам. Это был один из самых ярких представителей того боевого пролетарского авангарда Парижа, который руководил революционным правительством 1871 г., первым в истории правительством рабочего класса.

«Я не буду скрывать того, что есть, — смело заявил на суде Жантон, — и скажу, что при империи я боролся за республику, а

при буржуазной республике буду бороться за республику социальную... Делайте теперь, что хотите»⁴⁷. На суде Жантон гораздо больше заботился о судьбе своих товарищей, нежели о своей собственной судьбе. Он спокойно выслушал объявленный смертный приговор: «Моя судьба была ясна заранее», — заметил он по этому поводу.⁴⁸

8 февраля начался процесс о расстреле 13 монахов-доминиканцев, арестованных коммунарами по подозрению в шпионаже. По этому делу привлечено было 14 человек. Главный обвиняемый Серизье, рабочий, член Интернационала, заслуженный революционер, во время Коммуны командовавший XIII легионом Национальной гвардии (в состав его входило десять самых передовых батальонов Коммуны), был совершенно непричастен к расстрелу этих монахов. Тем не менее он приговорен был смертной казни. В предсмертном письме к жене он вскрыл действительные причины своего осуждения: «Меня уничтожают просто за то, что я человек из народа, достаточно сознательный и смелый, чтобы бороться против всего, что угнетает трудящихся»⁴⁹.

Член Коммуны и секретарь ее совета Амуру, рабочий шапочного производства, член Интернационала, был трижды предан суду и получил три обвинительных приговора: он присужден был к пожизненной каторге за участие в Коммуне и в революционном движении в провинции.

12 марта 6-й военный суд приступил к рассмотрению дела о расстреле 50 заложников Коммуны (36 солдат парижской гвардии, 10 попов и четырех штатских, из коих трое были разоблачены как провокаторы). По этому делу — оно именуется обычно делом улицы Аксо (здесь 26 мая и были расстреляны эти 50 заложников) — привлечено было 23 обвиняемых. Вся тяжесть обвинения пала на Франсуа, директора тюрьмы Ля-Рокетт, несмотря на то, что он больше всех противился расстрелу этих заложников. Свидетели обвинения рассказывали самые невероятные истории, но прибавляли: «Я ничего не видел, я только слышал, что это так». Председатель суда де-ла-Порт проявил такой цинизм, что даже правительственный комиссар Рюсто, доказавший свою беспощадность в предыдущих процессах, не мог удержаться, чтобы не сказать ему: «Вы хотите, повидимому, осудить их всех». Он был тотчас же замещен капитаном Маррьер, который говорил о

47 «Судебная газета», 18/I—1872 (Подчеркнуто мною — А.М.).

48 Там же, 22—23/I—1872.

49 М.Вильом. «В дни Коммуны». «Прибой» 1925.

себе, что «дал Цезарю обет жестокости». Ни один обвиняемый не был оправдан. Семь человек, среди них Франсуа, приговорены были к смертной казни, девять к каторжным работам, остальные к ссылке. Трем осужденным на смерть молодым солдатам, перешедшим 18 марта на сторону революции, смертная казнь заменена была потом пожизненной каторгой.

Военные суды делали все, чтобы уничтожить попавший им в уки цвет пролетарских революционеров, вырезать весь актив, рассчитывая таким путем надолго обезглавить и обескровить социалистическое движение.

Осужденный 24 мая к пожизненным каторжным работам журналист Анри Бриссак, бывший секретарь Исполнительной комиссии, а затем Комитета общественного спасения Коммуны, был совершенно прав, когда писал жене, что «нет ни одного политического деятеля из числа признанных серьезными, который, будучи предан военному суду, мог бы рассчитывать на спасение»*.

На скамью подсудимых был посажен и Бланки. Так как обвинить этого ветерана революционной борьбы в причастности к Коммуне было невозможно, ибо он был арестован до ее возникновения (17 марта) и в течение всего времени ее существования не выходил из тюрьмы, его привлекли к ответственности 1 участие в восстании 31 октября 1870 г. 15 февраля 1872 г. «вечный узник» предстал перед 4-м военным судом, заседавшим под председательством полковника Робильяра. Несмотря на то, что свидетели — и в том числе такие «высокопоставленные» лица, как бывший префект полиции Эдмон Адан, бывший член правительства национальной обороны Дориан, генерал Тамизье и др. — в один голос заявили, что участникам этого восстания была обещана полная амнистия, Бланки все же был признан виновным и приговорен к лишению гражданских прав и к ссылке с заключением в крепости. Правительственный комиссар, майор Бурбулон, произнес речь, полную злобной ненависти к неугомонному революционеру.

«Я требую, — заявил он, — чтобы вы изъяли этого человека из французского общества... Я прошу вас не углубляться во взаимоотношения партий ко дню 31 октября. Партии привели Францию к тому состоянию, в каком вы ее видите, и, увлекая ее от одного падения к другому, начиная с конца прошлого века, они низвели ее с того почетного места (?! — А.М.), которое

завоевали ей в мире вековые монархические традиции».⁵⁰

Трудно было яснее выразить всю ненависть монархической военщины Версаля и стоявших за нею буржуазно-помещичьих групп к республике, демократии, социализму.

Бланки отлично сознавал, за что его судят.

«Я должен установить, — заявил он в своем заключительном слове, — Что меня судили здесь не за 31 октября. Это — наименьшее из моих «преступлений». Я представляю здесь республику, которую монархия приволокла на ваш суд. Правительственный комиссар осудил поочередно революции 789, 1830, 1848 гг. и 4 сентября 1870 г. Меня судят и осудят ори республиканском строе во имя монархических идей, во имя старого права, восставшего против нового».⁵¹

А суды все продолжали свою «работу». 8 июля 3-й военный суд под председательством полковника Дюлак разбирал дело 18 эмигрантов Коммуны в департаменте Ньевр. 13-го 19-й военный суд (председатель — подполковник Гатро) судил пять руководителей Монетного двора при Коммуне. Главный обвиняемый Камелина, рабочий-бронзовщик, член Интернационала, исполнявший во время Коммуны обязанности директора этого учреждения, был заочно осужден на ссылку с содержанием в крепости⁵².

6 августа 20-й военный суд под председательством подполковника Эрбэ приговорил к семи годам каторжных работ работницу Марию Рожиссар — за активное участие в вооруженной борьбе и выступления в клубе церкви Сент-Элуа, председателем которого она являлась. На суде она держалась с большой твердостью.

10 сентября 4-й военный суд (председатель — подполковник Пьер) осудил на ссылку с заключением в крепости Наталию Лемель, одну из самых замечательных коммунарок 1871 г. Работница (переплетного дела) и жена рабочего, Лемель принимала активное участие в рабочем движении была одним из организаторов рабочего кооперативного потребительского общества «Котел», вступила в 1866 г. в Интернационал и быстро выдвинулась благодаря своим организаторским способностям и стойко ста своих социалистических убеждений. Во время Коммуны, вместе с русской революционеркой Елизаветой

⁵⁰ «Судебная газета», 25/V-1872.

⁵¹ А.Зевазс. Огюст Бланки. ГИЗ, 1922, стр.87.

⁵² Он умер в 1930 г. членом французской коммунистической партии.

Дмитриевой и несколькими другими активными социалистками, она организовала «Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым» и, в качестве члена Центрального комитета этой революционной организации, подписала замечательный по своему боевому тону и пролетарскому духу манифест от 6 мая. Манифест протестовал против всех разговоров о примирении с Версалем и заявлял, что оно «было бы равносильно измене, равносильно отказу от всех рабочих требований, от стремлений к полному социальному обновлению..., отказу от отмены всех привилегий, всякой эксплуатации, отказу от замены господства капитала царство труда».

«Настоящая борьба — заявили авторы манифеста — не может имен иного исхода, как торжество народного дела. Париж не отступит, ибо он несет знамя будущего. Решительный час пробил, — место рабочим, долой их палачей! Больше действий, энергии! Дерево свободы растет, орошаемо кровью своих врагов».

Союз женщин заявлял о своей готовности грудью стать на защиту Коммуны:

«Глубоко убежденные, что Коммуна является представительницей международных революционных принципов и несет в себе семена социально? революции, женщины Парижа докажут Франции и всему миру, что они сумеют в минуту крайней опасности, — если версальцы ворвутся в Парик, — на баррикадах и укреплениях отдать, подобно своим братьям, свою кровь и жизнь за Коммуну и ее торжество, т.е. за торжество народа».

Авторы манифеста выражали уверенность в том, что, победив своих классовых врагов, «рабочие и работницы сумеют объединиться и столкнуться относительно своих общих интересов, чтобы последним усилием воли навеки уничтожить всякий след эксплуатации и эксплуататоров». Заканчивался манифест словами: «Да здравствует Всемирная социальная республика! Да здравствует Труд! Да здравствует Коммуна!»⁵³

На суде Лемель держалась так же стойко, как и на баррикадах Коммуны.

Она признала себя автором приведенного выше манифеста, не отрицала того, что выступала в клубах и сражалась на баррикадах.

53 А.И.Молок. «Парижская коммуна 1871 г. в документах и материалах». ГИЗ 1925, стр.424—425.

Свидетели полностью подтвердили то впечатление, которое Лемель произвела и на судей и на публику. Они говорили о том, что эта 45-летняя, обремененная семьей, питавшаяся одним хлебом и сыром женщина проявила в дни Коммуны исключительную энергию, невиданную боевую активность, что она сражалась 48 часов подряд и до конца не теряла веры в победу, побуждала к борьбе других и клеймила дезертиров. Эта героическая коммунарка, всем своим обликом напоминающая Луизу Мишель, приговорена была к ссылке с содержанием в крепости⁵⁴.

Было бы ошибкою думать, что версальские судьи сурово карали только руководящих деятелей Коммуны, только ее вождей. Не менее жестоко карались большею частью и рядовые бойцы пролетарской революции 1871 года. 7 сентября 1872 г., за несколько дней до расправы с Лемель, 6-й военный суд под председательством подполковника О'Бриена приговорил к пожизненной каторге 20-летнего коммунара Этьенна, обвинявшегося в участии в вооруженной борьбе и в поджоге двух правительственных зданий; это последнее обвинение осталось, разумеется, недоказанным и было явно вымышленным. Несколькими месяцами раньше — 19 июня — маркитантка 66-го батальона Национальной гвардии Маргарита Гиндер (по мужу Лашез), особо отмеченная в летописях Коммуны за свою храбрость, была осуждена на смертную казнь за то, что якобы участвовала в расстреле офицера армии Коммуны графа Бофора, заподозренного (и не без основания) в шпионаже в пользу версальцев. Впоследствии смертный приговор был заменен ей пожизненной каторгой. Но двое других обвиняемых по этому делу были расстреляны.

В Марселе, где свирепствовал генерал Эспиван де-Вильбуане, бонапартист и клерикал — местный Галлифэ, военный суд приговорил к 10 годам каторжных работ и лишению гражданских прав на 20 лет одного 75-летнего рабочего — за то, что после революции 4 сентября 1870 г, тот арестовал на полчаса полицейского агента, отправившего его в 1851 г. (после бонапартистского переворота 2 декабря) в ссылку.

Свидетели обвинения готовы были доказать все, что от них требовали судьи и правительственные комиссары, и лгали самым беззастенчивым образом. Удивляться этому, конечно, не приходится: ведь в роли свидетелей в подавляющем большинстве случаев выступали буржуа, лавочники, попы, полицейские, т.е.

54 «Судебная газета». 11/IX—1872.

люди, свирепо ненавидевшие Коммуну и коммунаров. Среди пяти свидетелей, фигурировавших, например, на процессе коммунара Лежена, были сельский жандарм, чиновник, виноторговец, рантьерша (т.е. живущая на проценты с капитала). Если лжесвидетельства было недостаточно, на помощь приходили фальшивки. Перед этим судилищем подсудимый коммунар был совершенно беззащитен. Даже адвокаты оказывали ему большею частью медвежью услугу и «защищали» его так неискусно, что он предпочитал совсем не иметь защитника или защищаться сам. Среди назначенных правительством адвокатов были и такие типы, которые заранее сообщали поддерживавшим обвинение комиссарам содержание своих «защитительных» речей и выступлений. Отрадное исключение составлял Дюпон Жюссак, старый деятель республиканской партии, изгнанный из Франции после бонапартистского переворота 2 декабря и защищавший некогда Барбеса, одного из вождей революционного выступления в Париже 12 мая 1839 г.

Если не удавалось обвинять подсудимого в «поджоге» и зачислить его в категорию «керосинщиков» (или «керосинщиц»), если нельзя было обвинить его в «узурпации» (захвате) политической власти или военного командования, если даже подставные «свидетели» отказывались признать в нем участник: казни заложников и отрицали его участие в вооруженной борьбе в рядах коммунаров, его превращали в «грабителя».

Несмотря на все старания буржуазной контрреволюции представить дело Коммуны делом «уголовных преступников», несмотря на весь чудовищный цинизм версальской военной юстиции, коммунары с честью вышли из этого тяжелого испытания и, если отбросить совершенно единичные исключения, сумели сохранить свое знамя незапятнанным. Здание клеветы, возведенное торжествующей реакцией, рассыпалось с каждым новым процессом. Ферре и Тренке, Амуру и Жантон, Луиза Мишель и Наталия Лемель через головы своих судей-палачей показали Франции и всему миру, чем была Коммуна и за что их судят ее победители. Политический характер восстания 18 марта 1871 г. и созданного им правительства уже невозможно было оспаривать. Большое значение в признании этого факта имело и выступление Карла Маркса, гениально вскрывшего действительную, принципиальную сущность Коммуны и с исключительной силой разоблачившего все преступления ее классовых врагов. Впрочем, эти последние, посадив на скамью подсудимых рядом с Коммуной Интернационал, сами способствовали крушению своей «версии» об «уголовном»

характере движения коммунаров. И все же реакционеры всего мира продолжали поддерживать и распространять эту грязную клевету.

Приговоренные к смерти умирали с таким же мужеством, с каким сражались на баррикадах и стояли перед судом. За казнью Ферре, Росселя и Буржуа последовала казнь Эрпен-Лакруа, Лагранжа и Верданье, которых контрреволюционные судьи объявили виновниками смерти генералов Леконта и Клемана Тома. Их расстреляли 22 февраля 1872 г. на том же плацу Сатори и у тех же столбов; они умерли с возгласом «Да здравствует Коммуна!».

25 мая расстреляны были коммунары Серизье, Буен и Буден.

Они сказали ожидавшим их солдатам: «Мы такие же дети народа, как и вы. Мы покажем вам, как умеют умирать дети народа». Они умерли с возгласом «Да здравствует Коммуна!»

6 июля казнен был Адольф Бодуэн, бывший унтер-офицер армии, лейтенант 275-го батальона Коммуны, обвиненный в том, что поджег церковь Сент-Элуа и убил солдата, бравшего баррикаду; вместе с Бодуэном расстрелян был Рульяк, осужденный за убийство версальского шпиона. Оба оттолкнули сержантов, которые хотели завязать им глаза. Распорядитель казни, майор Колен, приказал привязать их к столбу. Три раза Бодуэн разрывал веревки. Рульяк отчаянно боролся. Поп, помогавший солдатам, получил удар в грудь. В конце концов, осужденных повалили на землю. «Мы умираем за хорошее дело!» — кричали они. 22 января 1873 г. были расстреляны член Коммуны Филипп (его настоящая фамилия была Фенулья), обвиненный в том, что он стойко защищал квартал Берси, полковник Национальной гвардии Бено (в прошлом подручный мясника), осужденный по обвинению в поджоге Тюльерийского дворца, и рабочий Декан, которому приписали (без тени доказательств) поджог улицы Лилль. «Я умираю невинным!» — воскликнул он: «Долой Тьера!» Филипп и Бено пали с возгласом: «Да здравствует социальная республика! Да здравствует Коммуна!»

Это была последняя казнь в Сатори. К 25 жертвам, обогрившим своей кровью столбы этой площади, следует добавить еще одну — молодого солдата, расстрелянного в другом месте, в 1875 г. — через четыре года после Коммуны. Его обвинили в расправе с полицейским шпионом, который был брошен в Сену разъяренной толпой после республиканской манифестации на площади Бастилии в конце февраля 1871 г.

ГЛАВА III. КАТОРГА И ССЫЛКА

С конца 1871 г. началась отправка коммунаров, приговоренных к ссылке и каторге, в назначенные для них места. Несмотря на осадное положение и свирепствовавший в стране полицейский террор, трудящееся население тех местностей, через которые лежал путь осужденных коммунаров, не побоялось выйти им навстречу и приветствовать их.

«Когда наша телега проезжала через Лангр, — рассказывает Луиза Мишель, — из какой-то мастерской вышло пять или шесть рабочих; голые руки их были совсем черны. Это были, должно быть, кузнецы. Сняв фуражки, они приветствовали нас. Один из них, совсем седой, что-то крикнул нам вслед; мне показалось, что он крикнул: «Да здравствует Коммуна!» Повозка понеслась во всю прыть, так как кучер жестоко хлестнул лошадей»⁵⁵. Жители портов, из которых отправлялись корабли с ссыльными, провожали их дружескими приветствиями. В ответ на овацию, устроенную в Тулоне отправляемым в ссылку коммунарам, последние с благодарностью говорили провожавшему их рабочему населению этого города: «Версальское правительство хотело заклеить нас; вы нас возвеличили... Там мы встретимся с братьями, уехавшими раньше нас, и скажем им, что во Франции есть люди, которые стоят на страже республики»⁵⁶.

Первым из судов, перевозивших ссыльных коммунаров, было судно «Юра», отплывшее от берегов Франции в ноябре 1871 г. За ним последовало 3 мая 1872 г. судно «Даная» с 300 ссыльными на борту. За «Данай» отправились другие суда. Условия переезда! были кошмарными. Ссыльные содержались в клетках, в которые почти не проникал свет и откуда их выпускали на палубу подышать чистым воздухом лишь раз в день на полчаса. У клеток стояла вооруженная стража, следившая за каждым движением заключенных. Пища их состояла из гнилых сухарей и помоев. Они жестоко страдали от качки, ветров, дождей, тропического солнца. Малейший протест наказывался карцером; впрочем туда попадали и люди, ни в чем не провинившиеся.

Особенно жестоко обращался со своими пленниками командир «Данан» капитан Риу де-Керприжан.

«Это чудовище, а он был подлинным чудовищем, — рассказывает Рошфор, — без тени какой-либо причины, даже не дав Чиприани времени усесться в той клетке, в которой ему отведено было место, заставил его спуститься в трюм фрегата, где поместил его под машиной. Когда фрегат шел под парами, у него от жары загорались брови и он задыхался, а ритмичный, непрерывный грохот не давал ему спать. Там, в этой преисподней, он оставался все время переезда, который длился пять месяцев, и никто не потрудился даже сообщить ему, за что его туда законопатили. Нужна была несокрушимая энергия Чиприани, нужен был весь его стоицизм, чтобы не лишиться рассудка. Другие сошли бы от этого с ума, да и он рассказывает, что несколько раз чувствовал, что рассудок покидает его».⁵⁷

Так обращались версальские палачи с итальянским революционером, сражавшимся в рядах коммунаров Парижа и взятым в плен в момент ареста и убийства Флуранса, адъютантом и другом которого он был.

Не менее жестоким было обращение с ссыльными на борту «Семирамиды», капитан которой, Лапьер, приказал привязать двух человек к котлам: они умерли от ожогов. Из 650 ссыльных, находившихся на этом корабле, в пути умерло 34 и тяжело заболело 60. Люди становились похожими на призраки. Когда фрегат «Орна» вошел в Мельбурнский рейд (Австралия), на борту из 588 заключенных 300 были больны цынгой. Жители Мельбурна собрали в их пользу некоторую сумму денег, но капитан отказался передать их по назначению.

За все время переезда только двум ссыльным удалось бежать, — так бдительно охранялись эти корабли-тюрьмы.

Местом, где должны были отбывать свою ссылку и каторгу коммунары, был остров Новая Каледония с двумя примыкающими к нему островами Сосен и Ну и полуостровом Дюко. Расположенная в юго-западной части Тихого океана, между 20 и 22° южной широты, в 600 лье от Австралии, площадью в 17.090 квадратных километров, Новая Каледония принадлежала Франции с 1853 г. С 1863 г. она служила местом ссылки, вначале преимущественно для уголовных. Убийственно сырой климат создавал здесь благоприятную почву для болезней, бесплодная в большей части острова почва не располагала к труду (к тому же

⁵⁵ Лиссагарэ, «Коммуна», 1926, стр.195.

⁵⁶ Лиссагарэ. Указ.соч., стр.359.

⁵⁷ А.Рошфор. Указ.соч., стр.318.

лучшие земли были захвачены монахами-миссионерами, обрабатывавшими их руками туземцев). Полуостров Дюко был настоящей пустыней — ни колодцев, ни ключевой воды, ни зелени. Ссылные коммунары разбиты были на три категории. Самая многочисленная, состоявшая из приговоренных к простой ссылке, поселена была на острове Сосен; осужденным на ссылку с содержанием в крепости отведен был, полуостров Дюко; приговоренные к каторге должны были отбывать ее на острове Ну. Вот как описывает Лиссагарэ, историк и участник Коммуны, условия существования ссылных коммунаров в Новой Каледонии:

«Хотя ссылных ждали целые месяцы, они не нашли там ничего, кроме соломенных шалашей, кое-какой утвари, баков и гамаков... Первой партии прибывших пришлось блуждать среди колючего терновника. Позднее им дали палатки, но частые грозы превратили их скоро в лохмотья. У кого были деньги, тем удалось кое-как выстроить себе соломенные шалаша. Миссионеры постарались возбудить жителей против коммунаров: те бегали от них или продавали им съестные припасы по невероятной цене. Администрация должна была выдать всем осужденным необходимую одежду, но никаких распоряжений по этому поводу сделано не было: кепи и башмаки быстро изнашивались. Огромное большинство ссылных, не имея ни гроша денег, должны были выносить с обнаженной головой и голыми ногами и летнюю жару и сезоны дождей. Ни табаку, ни мыла, ни вина чтобы перебить неприятный вкус солоноватой воды. Пища — овощи, которые часто признавала негодными сама санитарная комиссия каторги, сало и сухари, изредка — немного мяса и хлеба. Продукты отпускались сырыми, не выдавалось ни дров, ни горючих материалов, так что приготовление пищи представляло ежедневную трудную задачу.

Сторожа в надзиратели каторги, грубые, придиричливые, часто пьяные то и дело грозили ссылным своими револьверами; и это не была пустая угроза, — многих они ранили. На острове Сосен, как и на полуострове Дюко, сторожа получили приказ стрелять по каждому ссылному, который приблизится к ним на 50 шагов».⁵⁸

При обсуждении закона о ссылке на заседании Национального собрания докладчик в самых радужных красках расписывал богатства Новой Каледонии: рыбная ловля, скотоводство, горные работы. На деле все это оказалось гораздо более убогим. Ссылные, в подавляющем большинстве рабочие, брались за всякого рода труд, чтобы хоть чем-нибудь скрасить такую жизнь. Ссылные о-ва Сосен предлагали свои услуги для постройки водопровода, складов, большой дороги, но из 2.000 только 800 были приняты на работу, причем их заработная плата не превышала 85 сантимов в день (менее 30 коп.). Остальные просили дать им земли: им дали 500 гектаров на 900 человек, семена и орудия труда продавались им по неслыханно дорогой цене. Даже те мастерские, которые были открыты для ссылных коммунаров в 1872 г., в середине 1873 г. должны были закрыться, так как правительство прекратило все кредиты на общественные работы. Это не помешало морскому министру заявить с трибуны Национального собрания, что большая часть ссылных «отказалась» от всякого труда.

Особенно кошмарными были условия существования той части ссылных коммунаров, которые осуждены были на каторжные работы. К этой категории принадлежали члены Коммуны Амуру, Тренке, Урбен, революционные публицисты Бриссак, Эмбер, Люсипиа и многие другие видные коммунары. Они были скованы двойной цепью, и каждый из них волочил на ноге ядро; нередко их сковывали попарно вместе с уголовными преступниками. Последние сначала всячески издевались над ними, но под конец стали их уважать.

Самые тяжелые работы предназначались для «каторжников Коммуны». Социалист Жан Аллеман, рабочий-наборщик, активный участник Коммуны, пробывший восемь лет на каторге, яркими красками описывает в своих воспоминаниях все ужасы и пытки, которые пришлось пережить ему и его товарищам по каторге на острове Ну. Вот описание работ, которые возлагались на них:

«Вскоре меня позвали нагружать известку — самая тяжелая работа, какую только можно было придумать. Пыль, окутывавшая меня, вызывала сильную боль в горле. Мне велели спуститься на дно каменоломни, а двум каторжникам — нагружать тачку, которую я должен был отвозить на самый верх. Так я ходил взад и вперед — без отдыха, ибо все мы были на глазах у военного надзирателя, который со своего места обзирал весь участок. Работа была трудной и опасной, так как плохо произведенная выемка грунта

вызывала постоянные обвалы. Недели не проходило без того, чтобы не было убитого или раненого...

Когда извести накопилось достаточно, ее забрали баркасы, а «добрый» Фурнье (военный надзиратель — А.М.) велел оставить тачки и пойти наполнять мешки, которые надо было отвозить на пристань, находившуюся в конце мола длиной в 60 метров. Доставка мешков на суда, не говоря уже о набивке их известью, представляла тем большие трудности, что печь была расположена ниже, чем пристань, а подъем тачки требовал больших усилий; к тому же это приходилось делать людям, которые не привыкли к такого рода работе и которых отвратительно кормили.

Мне дали в придачу беднягу, которого мучила дизентерия, распространявшаяся среди нас из-за плохой, солоноватой воды, служившей нам для питья. Это был молодой Демфель, бывший сержант линейного полка, смело примкнувший к Коммуне, за что он и был приговорен к смертной казни по обвинению в дезертирстве с фронта. Позже ему уменьшили наказание, заменив казнь бессрочными каторжными работами. Демфелю суждено было стать первой жертвой Фурнье, директора этой «бойни коммунаров», как прозвали нашу ужасную шахту.

Несмотря на его явную физическую хилость, его принуждали к работам, превышавшим его силы. При нагрузке судов мне пришлось помогать ему осиливать подъем с тачкой, но однажды нас заметил Фурнье и приказал Демфелю везти свою тачку от печи до самого конца мола.

Опасаясь, что мне не удастся совладать с собой (я предвидел, что произойдет), я снял свою тачку и удалился. Осыпавшись бранью директора, Демфель делает последнее усилие, но силы изменяют ему — человек, тачка и мешок опрокидываются. Безжалостный Фурнье продолжает оскорблять несчастного... При виде моего возвращения он приходит в совершенную ярость и грозит, что все находящиеся в его распоряжении «бандиты» подохнут, либо будут гильотинированы. Теряя всякое самообладание, я подступил к нему с намерением схватить его поперек туловища и броситься с ним в море. Негодяй увильнул с такой быстротой, что

двое его коллег, остававшихся безразличными свидетелями всей этой сцены, расхохотались.

Демфеля подняли, но бедный парень был уже близок к концу своих лучений: через несколько дней его отнесли на кладбище, где уже лежали кости других товарищей по борьбе, чьи страдания должны были укрепить власть людей, отправивших нас в Тулон и в Новую Каледонию и выдавших нас на расправу звероподобной администрации каторги...

Наша группа таяла день ото дня, а требования Фурнье все возрастали, чем меньше людей, тем больше работы. Из-за переутомления, из-за соленой воды, из-за отвратительной пищи наши ряды редели с ужасающей быстротой. Известковая печь оправдывала свое прозвище «бойни коммунаров»: за три месяца из двадцати девяти человек, насчитывавшихся в нашем отряде осталось всего пятнадцать. Из четырнадцати остальных одни умерли, другие были опасно больны». ⁵⁹

«Жаба», «яма», «колодки», «пытка булавками», «плеть-семихвостка» — таковы были методы и орудия расправы с теми из ссыльных коммунаров, которые пытались отстоять свое человеческое достоинство от издевательства и жестокости со стороны надзирателей и сторожей. Порка была обычным явлением избитые и больные в большинстве случаев не получали никакой медицинской помощи.

Смерть косила ряды ссыльных коммунаров. Одним из первых умер член Коммуны Вердюрь; учитель по профессии, он хотел открыть школу на полуострове Дюко, но администрация не разрешила ему учить туземцев (канаков), опасаясь, что они сблизятся с коммунарами. Умер член Коммуны Пильо, старый революционер-коммунист. Умер член Коммуны, рабочий Асси, Умер молодой публицист Марото, осужденный на бессрочную каторгу за свои газетные статьи. Он умер от туберкулеза легких в возрасте 27 лет.

«Он болел уже лет шесть, — рассказывает Луиза Мишель, — но когда приближался конец и 16 марта началась агония, он вдруг поднялся и, обращаясь к доктору, спросил: «Не может ли наука продлить мне жизнь до дня моего рождения, до 18 марта?» «Вы будете жить», — сказал доктор. Действительно, Марото умер 18-го. Долгое время глаза его казались живыми и

словно устремленными из глубокого мрака смерти на приближающееся мщение народа».⁶⁰

Другой журналист Коммуны, Альбер Грандье, сошел с ума и вскоре умер.

Несмотря на все ужасы Новой Каледонии, сосланные туда коммунары не сдавались. Каждый год 18 марта отмечали они собраниями и речами годовщину Коммуны. Умерших товарищей хоронили с возгласами: «Да здравствует республика! Да здравствует Коммуна!» Некоторые пытались бежать, но большею частью неудачно. Числу побегов было не больше пятнадцати. Да и как бежать через океан, без денег, без связей, с переполненного солдатами и пушками острова? В 1875 г. член Коммуны доктор Ракуль с 19 товарищами рискнул бежать в лодке; она перевернулась, и все они погибли. В 1876 г. группа коммунаров во главе с Тренке и Аллеманом пыталась бежать на захваченном ими катере «Бюлари», но была замечена и после отчаянной погони, в которой приняла участие целая эскадра, задержана и возвращена обратно. Все они были преданы суду, но сами преследователи — офицеры военного флота — вынуждены были отдать должное героическому мужеству беглецов. 20 марта 1874 г. шесть видных ссыльных, в том числе Рошфор и члены Коммуны Журд и Паскаль Груссе, бежали из Новой Каледонии и благополучно добрались до Англии. Они рассказали всему миру о положении ссыльных коммунаров. Но оставшиеся в ссылке дорого заплатили за этот побег и за эти разоблачения. Губернатор Новой Каледонии Готье де-Ла-Ришери получил отставку и был заменен контрадмиралом Рибур. При нем режим стал еще суровее. Новое усиление реакции во Франции, обозначившееся еще в 1873 г., с падением Тьера и заменой его на посту президента республики Мак-Магоном, повлекло за собой еще большее ухудшение условий ссылки коммунаров.

«Те, кому было позволено жить в Нумее (главный город Новой Каледонии — А.М.), были возвращены на полуостров Дкжо и на остров Сосен; рыбная ловля была запрещена; каждое запечатанное письмо задерживалось; было отнято право ходить в лес за дровами. Сторожа стали вдвое грубее, стреляли по осужденным, переходившим границу своего участка «ли не возвращавшимся в свои хижины к назначенному часу».⁶¹

Между тем во Франции шла агитация за амнистию коммунарам. Национальное собрание, организовавшее разгром Коммуны, отвергло все предложения об амнистии и ограничилось тем, что сократило сроки заключения некоторым ссыльным и помиловало шестьсот из них, менее «преступных» в глазах буржуазного общества. 31 декабря 1875 г. Национальное собрание разошлось: на выборах 1876 г. победили республиканцы. Агитация за амнистию, которую вели социалистические и демократические группы, усилилась. Было внесено пять предложений, но один только Распайль, старый революционер, участник революций 1830 и 1848 годов, требовал полной и безусловной амнистии. Палата депутатов назначила комиссию, которая высказалась против всеобщей амнистии. «Главные вожаки вернутся такими, какими они были», — говорил докладчик этой комиссии: «В нашей истории бывали моменты, когда амнистия была необходима, но восстание 18 марта ни с какой точки зрения нельзя сравнить с нашими гражданскими войнами. Я вижу в нем восстание против всего общества». Морской министр адмирал Фуришон, восхваляя подведомственные ему места ссылки, имел наглость заявить, что ссыльный находится в прекрасных условиях, что он «живет среди цветов своего сада». 18 мая 1876 г. 372 голосами против 50 полная и безусловная амнистия была отвергнута. Не имел успеха и проект частичной амнистии, внесенный в сенат Виктором Гюго. Преследования за участие в Коммуне продолжались.

В декабре 1876 г. 3-й военный суд приговорил к ссылке бывшего сотрудника военной комиссии Луи Барона. В 1877 г. был сослан на каторгу трижды приговаривавшийся к смертной казни коммунары Марен. Число ссыльных доходило в это время до 4.400. Мак-Магон «помиловал» осужденных, которым оставалось пять или шесть недель до окончания срока заключения. В мае 1877 г. из Новой Каледонии вернулось человек 250—300 ссыльных, которым были только уменьшены сроки наказания.

Реакционный переворот 16 мая 1877 г., совершенный президентом республики, еще более отдалил амнистию коммунарам.

30 января 1879 г. Мак-Магон был вынужден уйти в отставку. Место президента занял Гриви, который был по своим взглядам и по своему прошлому республиканцем. Но я ставшие у власти буржуазные республиканцы противились всеобщей амнистии коммунарам. Всеобщая амнистия была отвергнута. Вместо нее был принят частичный закон о помиловании. Коммунары протестовали против клеветнической кампании реакционеров: «Официальные голоса, — писали коммунары, — не остановились ни перед

60 Л.Мишель. Указ.соч., стр.184.

61 Лиссагарэ. Указ.соч., стр.365.

ГЛАВА IV. МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕАКЦИЯ ПРОТИВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

Разгром Парижской коммуны и белый террор против ее участников встретили единодушное одобрение реакционеров всего мира.

«Мне не нужно вам говорить, с каким облегчением общественное мнение встретило здесь новость о вступлении наших войск в Париж», — сообщал 24 мая 1871 г. французский посол в Петербурге маркиз Габриак министру иностранных дел версальского правительства: «Европейское общество, — продолжает посол, — чувствует себя освобожденным от ужасного кошмара, который давил его., в течение двух месяцев. Сейчас оно думает только об одном, о необходимости энергичной репрессии, особенно по отношению к иностранным заговорщикам, которые запятнали нашу столицу»⁶². 2 июля в прощальной аудиенции, данной Габриаку (его должен был заменить генерал Лефро), император Александр II выразил свое восхищение «духом» и «дисциплиной» версальской армии и свое уважение к личности главы версальского правительства.

Обрадованный победой контрреволюции во Франции, «самодержец всероссийский» готов был взять назад упреки в «медлительности», которые он не переставал в течение двух месяцев расточать по адресу Тьера, побуждая его к скорейшей расправе с коммунарами и считая его действия недостаточно решительными.

Падение Коммуны вызвало ликование не только среди правителей царской России, но и в правящих кругах Германской империи, оказавшей, как известно, немалую помощь Версалию в удушении революционного Парижа и в истреблении его защитников. Поражение пролетарской революции в Париже приветствовали господствующие классы всех других государств Европы.

Опираясь в борьбе с революционным пролетариатом на поддержку реакционеров всех стран, версальское правительство пыталось дополнить белый террор во Франции расправой с коммунарами, бежавшими за границу. Несколько тысяч участников Коммуны, в том числе многие из ее вождей, эмигрировавшие в Англию, Бельгию, Швейцарию и другие страны, оказались под угрозой выдачи версальским палачам. 26 мая Жюль Фавр, министр иностранных дел версальского правительства, разослал по

оскорблениями, ни перед ложью. Они заявляют, что в изгнании остались только «воры и убийцы». Эти люди, пытающиеся обмануть общественное мнение, прекрасно знают, что ни к одному из нас нельзя приложить таких эпитетов. Воры и убийцы не в наших рядах».

В силу частичной амнистии 3.300 осужденных были возвращены из ссылки, 1200 человек остались в ней. Социалисты и радикалы продолжали требовать всеобщей амнистии. В 1880 г, день 18 марта был торжественно отпразднован в Париже из провинции, а 23 мая, в годовщину «кровавой недели», на кладбище Пер-Лашез, где были перебиты последние защитники Коммуны, состоялась большая рабочая демонстрация. Демонстранты были арестованы полицией. В ответ на это парижский пролетариат избрал бывшего члена Коммуны Тренке, осужденного на каторгу, муниципальным советником XIX округа столицы (Бельвилля).

В конце концов, буржуазная республика должна была уступить: 10 июля 1881 г. президент помиловал всех осужденных за участие в Коммуне. Сенат и высшее офицерство во главе с Галлифэ до конца противились всеобщей амнистии. В палате депутатов против законопроекта голосовало 136 человек. Он был принят большинством 312 голосов. Характерны мотивы, которыми вождь умеренного крыла буржуазных республиканцев Гамбетта убеждая палату в необходимости полной амнистии. «Близки выборы, — говорил он, — и амнистия избавит нас от хлопот. Выбор Тренке — последний маневр партии (социалистов и радикалов — А.М.), амнистия — единственное ее оружие, и вашим голосованием вы сломите и это оружие».

Гамбетта ошибся. Амнистия 1881 г. не прекратила революционной борьбы французского пролетариата. Возвратившиеся на родину коммунары остались, за немногими исключениями, такими же непримиримыми противниками буржуазного строя, каким они были в дни Коммуны, в тюрьме и на суде, в ссылке и на каторге.

Социалистическое движение, которое с подавлением Коммуны казалось во Франции уничтоженным, возрождается — притом на новой, более высокой основе. Во главе его становится рабочая партия Гэда и Лафарга, учеников Маркса и Энгельса.

⁶² «Царская дипломатия и Парижская коммуна». Под ред. и с предислов. Ц.Фридлянд. Центархив, Соцэкгиз, 1933, стр.158—159.

телеграфу специальную инструкцию дипломатическим представителям Франции за границей, уполномочивавшую их договориться с правительствами соответствующих стран о немедленном, аресте и выдаче Франции всех эмигрировавших в эти страны» коммунаров.

Этот гнусный документ не остался под сукном. Дипломатические представители Франции за границей спешно предприняли соответствующие меры для организации розыска коммунаров.

Большинство европейских правительств с большой готовностью откликнулось на эту просьбу Версаля.

Правительства Бельгии, Испании и Италии закрыли свои границы для эмигрантов Коммуны. Федеральный совет Швейцарской республики, в ответ на требование французского посланника, распорядился арестовать нескольких укрывшихся на ее территории участников Коммуны, но задержать удалось одного только Разуа, бывшего коменданта Военной школы в Париже. Он был предан суду (в Женеве). Последний должен был, однако, признать обвинения, выставленные версальским правительством, против Разуа, необоснованными и совершенно недостаточными для его осуждения и выдачи. Разуа был освобожден — к великому огорчению реакционеров Швейцарии и всей Европы.

Территория Германской империи была фактически совершенно закрыта для коммунаров.

Особенно горячо откликнулось на циркуляр Фавра по вопросу о выдаче бежавших коммунаров правительство царской России. При этом оно не скрывало своего сожаления о том, что практически ему едва ли придется заниматься этим вопросом

«По всей видимости, мы почти не «будем иметь случая заняться этим вопросом», — докладывал Александру II временный управляющий министерством иностранных дел Вестман (к этим словам царь сделал пометку: «Напротив»). «Нужно думать, что члены Коммуны французы не отправятся укрываться в Россию (пометка Александра II: «Как знать!»); еще меньше этого можно ожидать от поляков, по отношению к которым, однако, наше правительство имело бы первенство при сведении счетов. Я полагаю, что этот вопрос не будет больше подниматься». Резолюция Александра II на этом докладе гласила: «Я рассматриваю этот вопрос, как вопрос самой большой важности для будущего всех правительств. По моему приказу, министр юстиции составил по этому поводу докладную записку, которую я сам передал в Берлине

императору-королю, желая, чтобы инициатива исходила не от меня, а от Пруссии. Теперь я ожидаю результатов».⁶³

Большое недовольство царской дипломатии вызывала сдержанная позиция, занятая в этом вопросе тогдашним либеральным правительством Англии во главе с Гладстоном.

Травля эмигрантов Коммуны реакционерами всей Европы дополнялась борьбой против Первого международного товарищества рабочих — Интернационала. «Мы сложим оружие только тогда, когда Интернационал будет лишен права гражданства в Европе», — заявлял в июне 1871 г. лионский адвокат Тестю в предисловии к 3-му изданию своей полицейской книги об Интернационале. 6 июня Жюль Фавр разослал дипломатическим представителям Франции за границей специальный циркуляр, в котором он возлагал ответственность за Парижскую коммуну на Интернационал. «Интернационал, — писал версальский министр иностранных дел, — является обществом войны и ненависти. Основами его служат атеизм и коммунизм, его целью — свержение капитала и уничтожение его владельцев посредством грубой численной силы, которая способна будет подавить всякую попытку к сопротивлению». В заключение Жюль Фавр говорил о необходимости соглашения всех европейских правительств для борьбы с Интернационалом.

Циркуляр этот был встречен весьма сочувственно правящими кругами европейских государств. Особенно хорошо был он принят в Берлине и в Петербурге. «Все европейские правительства, — заявлял Александр II в беседе с германским послом принцем Рейсе, — должны быть солидарны между собою в этом деле, должны взаимно поддерживать друг друга в борьбе против этого врата». Бисмарк, выдвигавший идею такого соглашения еще в разгар борьбы Коммуны, предпринял ряд шагов к созданию международного «Священного союза» борьбы с Интернационалом. В начале сентября 1871 г. в Зальцбурге состоялось свидание германского императора Вильгельма I с австрийским императором Францем-Иосифом. Главным содержанием переговоров, которые здесь велись, было создание союза европейских правительств для борьбы с Международным товариществом рабочих.

В результате переговоров между Берлином, Петербургом и Веной в августе 1871 г. в столице Австро-Венгрии создан был особый «Комитет по изучению рабочего вопроса в Европе». Венский комитет, по мысли его учредителей, должен был взять на

63 «Царская дипломатия и Парижская коммуна», стр.75—176.

себя инициативу в деле пересмотра и усиления уголовных законов отдельных государств, а также заняться «изысканием международных средств, которые можно было бы противопоставить развитию социализма».

Репрессии против Интернационала и его секций в различных странах получили невиданный ранее размах. 27 мая 1872 г. руководители германской социал-демократии Август Бебель и Вилльгельм Либкнехт⁶⁴ были приговорены Лейпцигским судом к двум годам заключения в крепости — по обвинению в подготовке государственной измены (за то, что в ноябре 1870 г. они голосовали против кредитов на захватническую войну с Францией, за то, что весной 1871 г. они выступали против аннексии Эльзаса и Лотарингии и в защиту Коммуны). Ряд других, менее крупных, процессов против социалистов состоялся вскоре после падения Коммуны в Дании, в Венгрии и в некоторых других странах.

В Испании легальное существование организаций Интернационала стало: невозможным. Во Франции 14 марта 1872 г. был принят специальный закон (закон Дюфора), каравший за один факт принадлежности к Интернационалу.

Наряду с карательными мерами, направленными против ненавистной организации, был сделан ряд попыток сломить социалистическую пропаганду пропагандой контрреволюционной. В начале 1872 г. два реакционных французских журналиста, братья Авюр, взяли на себя инициативу образования особого общества пропаганды под названием «Контр-Интернационал». Католические попы и протестантские пасторы с одинаковым жаром в многочисленных докладах и брошюрах бичевали коммунизм, противопоставляя ему христианство.

Все средства были пущены в ход, чтобы сломить Международное товарищество рабочих, все — вплоть до провокации и клеветы. Последняя приняла еще невиданные до того формы и размеры. К десяткам больших и малых «черных книг» о Парижской коммуне, описывавших ее «ужасы» и «зверства» и заполнявших книжный рынок Парижа и других городов, присоединились аналогичные «труды» по «истории» Интернационала. Главным объектом травли и клеветы был, разумеется, Генеральный совет и персонально Карл Маркс.

Особенно усилились клеветнические выпады против Интернационала и его гениального вождя после разгрома Коммуны

и опубликования манифеста Генерального совета по поводу гражданской войны во Франции.

«Он (манифест — А.М.) производит чертовский переполох, — писал Маркс 18 июня одному из своих друзей, Кугельману, — и я имею честь быть в настоящий момент человеком, на которого во всем Лондоне всего сильнее клеветают и которому более всего грозят. Это, право же, отлично после скучной двадцатилетней болотной идиллии. Правительственный орган — «Обсервер» — грозит мне судебным преследованием. Пусть осмелятся! Плюю я на этих каналий!»⁶⁵

Спрос на всякого рода фальшивки с «разоблачением» «планов» Интернационала поджечь Лондон, поджечь Варшаву и т.д., и т.п. был так велик, что на этой почве развилась целая спекуляция. Представители многих европейских правительств не жалели крупных денежных сумм на приобретение «документов», компрометирующих Международное товарищество рабочих.

В августе некоторые реакционные французские газеты опубликовали «манифест», призывающий французских крестьян к поджогам и исходящий якобы от Интернационала. Маркс без труда разоблачил в печати эту фальшивку.⁶⁶

В отчете Генерального совета Интернационала его пятому конгрессу (в Гааге) 6 сентября 1872 г. говорилось:

«Но все репрессивные меры, которые были в состоянии измыслить объединенный правительственный разум Европы, меркнут перед той клеветнической кампанией, которую ведет против Интернационала во всеоружии лжи цивилизованный мир...

...Все шлюзы клеветы, которые были в распоряжении продажной буржуазной прессы, были сразу открыты и выпустили целый поток гнусности, который должен был потопить ненавистного врага. Эта война при помощи клеветы не имеет себе равной во всей истории, настолько поистине интернационален театр военных действий, на котором она разыгрывается, настолько велико единодушие, с которым ее ведут самые различные партийные органы господствующих классов. После большого пожара в Чикаго телеграф разнес по всему земному шару весть,

64 Отец убитого 15 января 1919 г. вождя и основателя германской компартии Карла Либкнехта.

65 К.Маркс. Письма к Л.Кугельману. ГИЗ, 1920, стр.117—118.

66 Карл Маркс. Даты жизни и деятельности (1818—1883). Под ред. В.Адоратского. ИМЭЛ—Партиздат, 1934, стр. 300.

что это — дьявольски работа Интернационала. Нужно только удивляться как не приписали его же демоническому вмешательству ураган, который опустошил Вест-Индию».⁶⁷

Передовые рабочие Европы и США с энтузиазмом приветствовали восстание 18 марта 1871 г. и до конца остались верны Коммуне, объявившей свое знамя знаменем «Всемирной социальной республики». Под этим знаменем с честью сражались и умирали за бессмертное дело Коммуны революционеры различных наций. Небывалая по своим размерам волна международной солидарности трудящихся, вызванная Коммуной, поднялась еще выше в дни ее разгрома. 25 мая, за три дня до того, как пали последние защитники Коммуны, вождь германских социалистов Август Бебель, выступая в берлинском рейхстаге, заявил:

«Господа, как бы преступны или безумны ни были в ваших глазах стремления Коммуны, будьте, однако, уверены, что весь европейский пролетариат и все, в ком живо чувство свободы и независимости, с надеждою смотрят на Париж. Господа, если в настоящее время Париж даже будет раздавлен, помните все же, что борьба в Париже — только маленький аванпостный бой, что главная схватка у нас в Европе еще впереди, что пройдет всего несколько десятилетий и боевой клич парижского пролетариата: «Война дворцам, мир хижинам, смерть нужде и праздности!» — станет боевым кличем всего европейского пролетариата».

Пророческие слова Бебеля были встречены ироническим смехом депутатов, представителей буржуазии и помещиков. Речь Бебеля произвела, однако, такое сильное впечатление, что о ней с возмущением и плохо скрытой тревогой писала буржуазная пресса не только Германии, но и Австрии и даже Англии, где, как указывает Энгельс, она «обошла все газеты». Германская реакционная печать угрожала Бебелю расправой. Социалистические органы высказывали ему свое полное одобрение. «Мы объявляем себя солидарными с Коммуной, — заявляли они, — и всегда готовы, в любой момент и против кого угодно, защищать действия Коммуны».

Ужасы белого террора, сопровождавшие победу буржуазной контрреволюции во Франции, нашли заслуженную оценку на

страницах социалистической прессы и на рабочих митингах в различных странах Европы, а также в США.

«Ликуйте, победители, пока вы еще можете заглушить свой внутренних страх, — восклицала лейпцигская газета «Народное государство» («Фольксштаат») в номере от 3 июня 1871 г.: «Мы тоже ликуем, несмотря на траур по павшим братьям, ибо борьба показала нам, как мы окрепли со времени 1848 года, и мы можем сказать, что близко то время, когда вы нас больше победить не сможете».

Из номера в номер, с документами и фактами в руках, разоблачала эта газета зверскую жестокость победителей Коммуны и опровергала клеветническую кампанию буржуазной печати по адресу ее бойцов. «Рабочие собрания — в Лондоне и в Женеве, в Брюсселе и в Милане, в Лейпциге и в Мюнхене, в Кельне и в Бреславле — отмечали память Коммуны и клеймили ее палачей. Полиция делала все, чтобы помешать подобным собраниям, но они все-таки собирались. «Сколько бы ни сажали в тюрьму вождей, сколько бы ни закрывали рабочие газеты, — говорил В.Либкнехт на собрании в Лейпциге 29 июля, — идея интернационализма и интернациональное движение пролетариата будут жить. Идей нельзя искоренить ни тюрьмами, ни расстрелами. Коммуна побеждена, но придет время, когда она восстанет из гроба, победоносная и еще более грандиозная; это чувствуют и противники — отсюда их ложь и клевета».⁶⁸

Генеральный совет Интернационала и персонально Маркс делали все, чтобы объединить и расширить выступления в защиту Коммуны, исходившие от рабочего класса отдельных стран. Организатор и. вождь Международного товарищества рабочих — Маркс переживал Коммуну, «как участник массовой борьбы» (слова Ленина), «со всем свойственным ему пылом и страстью» и делал все, чтобы помочь коммунарам, поддерживая их из своего лондонского далека конкретными указаниями, практическими советами, критикой допущенных Коммуной политических ошибок, деятельной агитацией в ее пользу. Именно благодаря Марксу и его неустанной борьбе против всех и всяческих форм и разновидностей утопически-сектантского, мелко-буржуазного по своему существу «социализма», классово-сознательные рабочие всего мира сразу же признали Парижскую коммуну и безоговорочно стали на ее сторону.

⁶⁸ А.Молок. «Как рабочие Германии защищали в 1871 г. дело Коммуны». «Партийная учеба», Ленинград 1935 г. № 7, стр.20.

После поражения коммунаров Маркс выступил на защиту их чести от клеветы международной реакции, вскрыл историческое значение и действительную сущность революции 18 марта 1871 г. и боролся за спасение жизней ее бойцов от версальского террора.

30 мая 1871 г., через два дня после того, как пали последние баррикады Коммуны, Генеральный совет Интернационала принял написанный Марксом манифест по поводу гражданской войны во Франции. Манифест этот, в котором Маркс, по выражению Ленина, «глубоко, метко, блестяще и действенно революционно» оценил Коммуну, преследовал двоякую цель — вскрыть социальное и политическое содержание революции 18 марта и сорвать маску с деятелей правительства Тьера, дискредитировать этих вождей буржуазной контрреволюции не только в глазах широких народных масс всего мира, но и перед лицом общественного мнения самой буржуазии. Обе эти задачи были разрешены блестяще. Анализируя сущность Коммуны и различные толкования ее значения, Маркс сделал то, чего не смогли сделать ее непосредственные руководители, — он выяснил ее принципиальное отличие от всех прежних форм государственной власти.

«Ее настоящей тайной, — пишет Маркс, — было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего, она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда... «Это была первая революция, — пишет он, — в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным еще к общественной инициативе».⁶⁹

Третья глава «Гражданской войны во Франции 1871 г.» (так стал называться этот манифест) посвящена выяснению сущности Коммуны, как нового типа государства, государства пролетарской диктатуры, первая, вторая и четвертая — ее истории и предистории. Яркими красками рисует Маркс героические «дела и дни» первой революции пролетариата, ее социально-экономические и политические меры, ход ее борьбы с буржуазно-помещичьей контрреволюцией. Все изложение строится на противопоставлении Парижа — Версалью.

«Коммуна каким-то чудом преобразила Париж. Распутный Париж второй империи бесследно исчез... В морге — ни одного трупа; нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 1848 г. улицы Парижа

впервые стали безопасными, хоть на них не было ни одного полицейского... Кокотки последовали за своими покровителями, за этими обратившимися в бегство толпами семьи, религии и особенно собственности. Их место заняли снова истинные парижанки, такие же героические, великодушные и самоотверженные, как женщины классической древности. Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы, Париж почти забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, всецело отдавшись строительству нового общества».⁷⁰

Этому обновленному революцией Парижу Маркс противопоставляет «старый мир Версаля, это собрание отрепьев всех отживших режимов, жаждущее растерзать тело народа и опирающееся на сабли генералов Наполеона III.

Шаг за шагом прослеживает Маркс действия Национального собрания и правительства Тьера, спровоцировавших гражданскую войну своей реакционной политикой, своими монархическими замыслами, своей попыткой разоружения рабочих кварталов Парижа. Маркс разоблачает клеветническую кампанию Тьера против Коммуны, его неприкрытый союз со вчерашним противником Бисмарком против общего врага — парижского пролетариата, клеймит зверское обращение версальцев с пленными коммунарами и белый террор, увенчавший победу контр-революции. Разбирая один за другим все обвинения, выставленные французской и международной реакцией против коммунаров, — расстрел заложников, поджог отдельных зданий, — Маркс дает достойную отповедь клеветникам Коммуны. Целую главу посвящает он характеристике Тьера, Фавра, Пикара и других деятелей версальского правительства, а также деятелей его предшественника — так называемого «правительства национальной обороны». С неопровергаемыми фактами и документами в руках изобличает Маркс измену этих людей своей стране (срыв дела обороны Парижа от осаждавших ее немецких войск), а также преступные даже с точки зрения буржуазного уголовного кодекса и буржуазной морали акты их личной жизни.

Убийственную характеристику дает Маркс личности главы версальского правительства — Тьера:

69 Карл Маркс. Избранные произведения, т. II, стр. 392, 394, ИМЭЛ—Партиздат, 1934 г.

70 Карл Маркс, Избранные произведения, т. II, стр. 399, ИМЭЛ, Партиздат, 1934 г.

«Тьер, этот карлик-чудовище, в течение более чем полу столетия очаровывал французскую буржуазию, потому что он представлял собою самое совершенное идейное выражение ее классовой испорченности. Прежде чем он стал государственным мужем, он уже обнаружил свои таланты лжеца в качестве историка. Летопись его общественной деятельности есть история бедствий Франции».⁷¹

«Ни разу во все продолжение своей долговременной политической деятельности, — резюмирует Маркс, — он не провел ни одной сколько-нибудь практически полезной меры. Он был верен только своей ненасытной жажде богатства и ненависти к людям, создающим это богатство. Он был беден, как Иов, когда вступил в первый раз в управление министерством при Луи-Филиппе⁷², а оставил он это министерство миллионером... Мастер мелких государственных плутней, артист в вероломстве и предательстве, набивший руку в банальных подвохах, низких уловках и гнусном коварстве парламентской борьбы партий; всегда готовый произвести революцию, как только слетит с занимаемого места, и затопить ее в крови, как только захватит власть в свои руки; напичканный классовыми предрассудками вместо идей, вместо сердца наделенный тщеславием, такой же грязный в частной жизни, как и в жизни общественной, он даже и теперь, разыгрывая роль французского Суллы, не может удержаться, чтобы не подчеркнуть мерзости своих деяний своим жалким важничаньем».

Останавливаясь на клеветнических измышлениях реакции по поводу Интернационала и его роли в Коммуне, Маркс писал:

«Буржуазный рассудок, пропитанный полицейщиной, разумеется, представляет себе Международное товарищество рабочих в виде какого-то тайного заговорщического общества, центральное правление которого время от времени назначает восстания в разных странах. На самом же деле наше Товарищество есть лишь международный союз, объединяющий передовых рабочих разных стран цивилизованного мира. Где бы ни проявлялась

классовая борьба, какие бы формы она ни принимала, при каких бы условиях она ни происходила, каково бы ни было ее содержание, — везде на первом месте стоят, само собой разумеется, члены нашего Товарищества. Та почва, из которой вырастает это Товарищество, есть само современное общество. Это Товарищество не может быть искоренено, сколько бы крови ни было пролито. Чтобы искоренить его, правительства должны были бы искоренить прежде всего принудительное господство капитала над трудом, т.е. искоренить основу своего собственного паразитического существования».⁷³

Маркс выражал глубокую уверенность в конечной победе дела трудящихся. «После Троицына дня 1871 года, — писал он, — не может уже быть ни мира, ни перемирия между французскими рабочими и присвоителями продуктов их труда. Хотя железная рука наемной солдатчины на время и может придавить оба эти класса, но борьба между ними снова возгорится и неизбежно будет все сильнее разгораться, и не может быть никакого сомнения в том, кто, в конце концов, останется победителем, — немногие ли присвоители или подавляющее большинство трудящихся. А ведь французские рабочие составляют только авангард всего современного пролетариата».⁷⁴

Заканчивался манифест следующими пророческими словами: «Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого их не в силах будут освободить все молитвы попов».⁷⁵

Манифест Генерального совета Интернационала о Коммуне получил — главным образом благодаря стараниям самого Маркса — широкое распространение в Англии, а затем и в других странах. Он был разослан не только всем секциям Международного товарищества рабочих, не только личным друзьям и знакомым Маркса и Энгельса, но и членам парламента и в редакции всех лондонских газет. Манифест заставил буржуазную прессу заговорить о себе. «Сперва попытались его замолчать, но это не удалось, — писал Энгельс Либкнехту, — «во всем Лондоне только и разговору, что о нас».

73 Карл Маркс, Избранные произведения, т. II, стр. 375—376. ИМЭЛ—Партиздат, 1934 г.

74 Там же, стр. 410.

75 Там же.

71 Там же, стр. 373.

72 Французский король, «царствовавший» с 1830 по 1848 г.

12 июня, в ответ на циркуляр Жюль Фавра к дипломатическим представителям Франции за границей по вопросу о совместной борьбе против Интернационала, Генеральный совет принимает текст составленного Марксом заявления на имя редактора газеты «Истерн пост». Заявление это начинается с указания, что Жюль Фавр неправильно датирует время основания Интернационала 1862 годом вместо 1864 г.

«Излагая наши принципы, — продолжает Маркс, — он (Фавр — А.М.) заявляет, что цитирует летучий листок Интернационала от 25 марта 1869 г. Но что цитирует он в действительности? Летучий листок какого-то общества, но не Интернационала... Из всех документов, которые Ж.Фавр цитирует в своем циркуляре, ни один не принадлежит Интернационалу».⁷⁶

«Во всем циркуляре, который будто бы направлен отчасти также против империи Наполеона III, — добавляет Маркс, — Жюль Фавр повторяет против Интернационала лишь полицейские вымыслы наполеоновских прокуроров. Вымыслы эти были уже опровергнуты даже судьями той же самой империи».⁷⁷

Ответ Генерального совета Интернационала на циркуляр Фавра наносил исключительно меткие удары в лицо этому самому циничному из палачей Коммуны и врагов пролетарского движения. Подписанный секретарем Генерального совета, Джоном Хейлс, ответ этот опубликован был даже в «Таймсе»⁷⁸. Тем большее впечатление должен был произвести этот документ на так называемое общественное мнение буржуазии.

В бумагах Маркса, оставшихся неизданными, сохранилось немало материала, характеризующего преступные действия целого ряда деятелей версальской контрреволюции, о которых он говорит в манифесте Генерального совета.

К сожалению, далеко не все из этого обличительного материала Марксу удалось тогда опубликовать.

Большая работа легла на плечи Маркса в связи с подготовлявшимся в Версале процессом членов Коммуны. Мы уже видели, какого рода «обвинения» были предъявлены им на суде и были

выставлены против них еще до суда. Маркс делает все, чтобы опровергнуть эти лживые от начала до конца обвинения.

Уже 8 июля — задолго до процесса — он принимает участие в совещании, устроенном Международным социалистическим клубом для организации протеста против готовящегося осуждения коммунаров. 11 июля на заседании Генерального совета Интернационала Маркс сообщает о фальшивых документах, выставленных против одного из привлеченных к суду членов Коммуны, Асси, и зачитывает написанный им для его защитника ответ, который и принимается в качестве официального опровержения от Генерального совета⁷⁹. Ответ этот, подтверждавший полную непричастность Асси к деятельности Генерального совета, был тотчас же сообщен в Париж адвокату Леону Бито, защитнику Асси. В августе, уже во время судебных заседаний, Маркс дополнительно информировал Бито о деятельности Генерального совета, особенно во время франко-прусской войны. Он делал это для того, чтобы помочь защите опровергнуть клеветнические измышления прокурора по адресу и Коммуны и Интернационала и доказать всю лживость выставленных против них обвинений. Одновременно Маркс вел переговоры с тем же Бито об издании в Брюсселе стенографических отчетов процесса членов Коммуны; переговоры эти были прерваны лишь после того, как выяснилась полная невозможность для Генерального совета принять на себя расходы, связанные с таким предприятием.

Наряду с идейной защитой и моральной поддержкой, оказанной Генеральным советом Интернационала и персонально Марксом жертвам версальского террора, на плечи руководителей Международного товарищества рабочих легла и другая задача — оказания им материальной помощи.

«Окровавленные улицы Парижа уже с конца майской недели начали выбрасывать к границам ближайших к Франции государств волны новых эмигрантов, состоявших в своем огромном большинстве из представителей трудового народа — рабочих, ремесленников, мелких служащих. Голодная и измученная, обречена была эта эмиграция с первого дня изгнания думать о куске хлеба, о пристанище, наконец, о работе; принуждена была теперь на чужбине переживать новые бедствия... Генеральный совет, поспешивший, по предложению Маркса; солидаризироваться со всеми актами Коммуны, не мог допустить, чтобы бойцы первой революции пролетариата, умирали от голода

76 «Архив К.Маркса и Ф.Энгельса, т.1, VI), 1932 г., стр.19 (письмо от 22/VI—1871).

77 Карл Маркс. Письма к Л.Кугельману. ГИЗ. 1920 г., стр.118, 119.

78 «Эта почтенная газета, — рассказывает Маркс, — получила за такую нескромность от господина Боба Лоу (министра финансов и члена ревизионного комитета «Таймса») здоровый нагоняй» («Из письма Маркса к Кугельману от 18/VI—1871 г., изд. ГИЗ, 1920, стр.118).

79 Карл Маркс. «Даты жизни и деятельности», стр.296.

и лишений на скамейках лондонских парков и ночлежек. Помощь «грабителям Парижа», прибывавшим за границу, частью с женами, детьми и грудными младенцами, в жалком, ободранном и плачевном состоянии, должна была стать делом всего мирового пролетариата...»⁸⁰

Однако сбор средств, необходимых для организации планомерной помощи эмигрантам Коммуны, проходил в исключительно неблагоприятной обстановке. Момент был крайне трудный для рабочего класса.

«Швейцария и Бельгия, — писал Маркс, — приняли уже свой контингент эмигрантов, которых они должны были поддерживать и которым они должны были помогать при переезде в Лондон. Суммы, собранные в Германии, Австрии и Испании, были посланы в Швейцарию. В Англии же великая борьба за 9-часовой рабочий день, решающая битва (стачка — А.М.), которая дана была в Нью-Кэстле, заставила израсходовать и индивидуальные взносы рабочих и фонды тредьюнионов»⁸¹.

Протоколы заседаний Генерального совета хорошо отражают это крайне стесненное финансовое положение Интернационала летом и осенью 1871 года. Уже на заседании 18 июля казначей совета Герман Юнг принужден был заявить, что «фонд помощи эмигрантам почти исчерпан, в то время как нужда в средствах продолжает возрастать, так как многие эмигранты, не обращавшиеся ранее за помощью, теперь начали обращаться и, кроме того, за помощью ежедневно приходят вновь прибывающие.

Маркс, Энгельс и другие члены Генерального совета прилагали все усилия к сбору денежных средств для эмигрантов Коммуны и развивали совершенно исключительную энергию, распространяя в рабочих массах подписные листы. Тем не менее, положение оставалось крайне тяжелым до самой осени.

Выручили Генеральный совет американские секции. После отправки в Нью-Йорк 5 сентября особого обращения к американским рабочим и личного письма Маркса к американским товарищам — в Лондон стали поступать пожертвования из Соединенных Штатов Америки. К концу ноября они составили довольно большую сумму — больше 100 фунтов стерлингов (фунт стерлингов был равен почти десяти рублям по курсу того

времени). Финансовое положение Генерального совета несколько улучшилось, но все же оставалось достаточно напряженным; в конце декабря на заседаниях его снова слышатся прежние жалобы на то, что «денег для эмигрантов больше не имеется»⁸².

Не отказываясь от обращения за помощью для эмигрантов Коммуны к отдельным представителям буржуазного общества, к некоторым либеральным членам палаты общин, к радикальным публицистам, Маркс строго следил, однако, за тем, чтобы, сбор пожертвований в пользу коммунаров не превращался в оскорбительную для их человеческого достоинства филантропическую затею. Он решительно отказался, например, от предложения пустить среди состоятельных слоев английского населения списки нуждающихся коммунаров, составленные в стиле и тоне английских буржуа-филантропов.

Все дело распределения денежной помощи эмигрантам Коммуны в Лондоне было возложено Генеральным советом на особый «Комитет помощи эмигрантам», во главе которого стал, само собой разумеется, Маркс. Только с конца августа, после образования «Общества французских эмигрантов в Лондоне», Маркс освободился от этой работы. С тем большей энергией отдался он теперь другой неотложной задаче — приисканию работы для эмигрантов.

Сохранились десятки писем, в которых коммунары благодарят Маркса за оказанные им услуги или просто просят совета.

Немало сделал Маркс и для организации побегов коммунаров из Франции, где часть из них еще скрывалась от поисков полиции и была лишена возможности за отсутствием денег и паспорта выбраться за границу.

С самого начала июня Маркс стоит в центре этой работы, используя для пересылки в Париж английских паспортов все свои связи и знакомства. «Одна моя знакомая дама, — пишет он профессору Бисли 12 июня, — через 3—4 дня едет в Париж. Я дам ей настоящие паспорта, чтобы она отвезла их некоторым членам Коммуны, которые сейчас еще скрываются в Париже»⁸³.

Подводя итоги всей многосторонней активной помощи, которую Маркс и руководимый им Генеральный совет оказали эмигрантам Коммуны, необходимо подчеркнуть, что мотивы, которыми он руководствовался при этом, были чрезвычайно далеки от простой «любви к ближнему».

⁸⁰ Э.Цобель и С.Кан. «Маркс — организатор помощи жертвам белого террора». Изд. ЦК МОПР СССР, 1934, стр.42—43.

⁸¹ Там же, стр.43.

⁸² Там же, стр.44.

⁸³ Там же, стр.48.

«Мысль о будущей борьбе заставляет его отдавать всего себя и все свои силы делу помощи жертвам версальского террора... Именно вследствие этого так велик его интерес ко всей эмиграции Коммуны и каждому коммунару в отдельности. Именно поэтому мы находим в одной из его тетрадей тщательно переписанный длинный список коммунаров, препровожденный французским правительством иностранным государствам вместе с наглым циркуляром Фавра. Цель, которую преследовал Маркс, хорошо видна по тем отметкам о судьбе каждого отдельного коммунара, которые он при этом делал. Ученье оставшихся в живых солдат революционной армии, помочь им снова занять свое место в рядах борющегося с капитализмом мирового пролетариата — вот основная и главная задача Маркса».⁸⁴

Эта задача была в значительной степени благополучно разрешена Генеральным советом Интернационала и его руководителем, Марксом.

«Они сумели в 1871 г., в исключительно трудной обстановке и с малым, очень малым количеством материальных средств создать почти из ничего ту своеобразную организацию помощи жертвам версальского террора, которую мы не можем не признать предшественницей МОПР современной им исторической эпохи».⁸⁵

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги белого террора 1871 года выразились в следующих потрясающих цифрах. «Если к 30 тысячам убитых и раненых прибавить отбывавших заключение и эмигрантов, то можно считать, что Париж, преимущественно рабочий Париж, потерял 70 тысяч человек; приблизительно столько же женщин, детей и стариков остались без своих кормильцев». Таков вывод, к которому приходит самый авторитетный из новейших историков Коммуны — Н.М.Лукин.⁸⁶

«Буржуазия была довольна. «Теперь с социализмом покончено надолго!» говорил ее вождь, кровожадный карлик Тьер после кровавой бани, которую он со своими генералами задал парижскому пролетариату. Но напрасно каркали эти буржуазные вороны. Через каких-нибудь шесть лет после подавления Коммуны, когда многие борцы ее еще томились на каторге и в ссылке, во Франции уже начиналось новое рабочее движение. Новое социалистическое поколение, обогащенное опытом своих

предшественников, но отнюдь не обескураженное их поражением, подхватило знамя, выпавшее из рук борцов Коммуны, и понесло его уверенно и смело вперед при кликах: «да здравствует социальная революция! да здравствует Коммуна!»⁸⁷

65 лет прошло со времени первой пролетарской революции в истории человечества. Дело Парижской коммуны, продержавшейся 72 дня в одном городе и потопленной в море крови, восторжествовало теперь на одной шестой земного шара. Стоя «на плечах Коммуны», используя в новых исторических условиях положительное наследство Коммуны (и всего последующего рабочего движения) и избегая повторения ее ошибок, рабочий класс бывшей царской России, руководимый своим боевым авангардом — партией большевиков, партией Ленина и Сталина, этих гениальных продолжателей учения Маркса и Энгельса — совершил со всеми трудящимися своей страны величайший переворот в истории человечества. Великая пролетарская революция 1917 г. в России, поставившая у власти пролетариат, привела — вопреки яростному сопротивлению его классовых врагов, внутренней и внешней контрреволюции — к полной победе социализма в СССР.

Никакие ужасы белого террора, сопровождавшего подавление революции 1905 года, этой «генеральной репетиции» 1917 года, никакие виселицы, никакие касательные экспедиции царских генералов Римана, Ренненкампа, Меллер-Закомельского и других не смогли помешать конечной победе трудящихся нашей страны. Никакие зверства деникинской, колчаковской, врангелевской белогвардейщины в период гражданской войны 1917—1921 гг., никакие насилия со стороны английских, французских, германских, японских и иных интервентов не смогли сломить волю к победе, таившуюся в народных массах России, и свергнуть завоеванную ими власть советов, первое (если не считать Коммуны) действительно народное правительство в мировой истории. Никакие самые кровавые жестокости буржуазно-помещичьей контрреволюции, ознаменовавшие подавление революционных движений новейшего времени в странах Западной Европы (особенно в 1918 г. в Финляндии, в 1919, 1920, 1921 и 1923 гг. в Германии, в 1919 г. в Венгрии, в 1934 г. в Австрии и Испании) и в странах Востока (особенно в Китае в 1927 г. и в следующие годы), не остановят неизбежного торжества трудящихся во всем мире. «Жизнь, — писал в 1920 г. Ленин, — возьмет свое. Пусть буржуазия мечется, злобствует до умопомрачения, пересаливает, делает

⁸⁴ Кан, Указ.соч., стр.62.

⁸⁵ Там же, стр. 54.

⁸⁶ Н.М.Лукин. «Парижская Коммуна 1871 г.», ГИЗ—1924, стр.300.

⁸⁷ В.И.Ленин. «Памяти Коммуны». Сочинения, т.XV, стр.160. 3-е изд.

глупости, заранее мстит большевикам и старается перебить (в Индии, в Венгрии, в Германии и т.д. лишние сотни, тысячи, сотни тысяч завтрашних или вчерашних большевиков: поступая так, буржуазия поступает, как поступали все осужденные историей на гибель классы. Коммунисты должны знать, что будущее во всяком случае принадлежит им, и потому мы можем (и должны) соединять величайшую страстность в великой революционной борьбе с наиболее хладнокровным и трезвым учетом бешеных метаний буржуазии».⁸⁸

В наше время фашистскими палачами пролетариата в странах капитала далеко превзойдены даже неслыханные ужасы белого террора 1871 г.

«Каждый день, — говорил тов.Димитров на VII конгрессе Коминтерна, — в контрреволюционных лагерях фашистской Германии, в подвалах гестапо (тайной полиции, охранки), в польских застенках, в болгарской и финляндской охранках, в белградской «глязняче», в румынской «сигуранце», на итальянских островах лучшие сыны рабочего класса, революционные крестьяне, борцы за прекрасное будущее человечества, подвергаются таким отвратительным насилиям и издевательствам, перед которыми бледнеют самые гнусные деяния царской охранки. Злодейский германский фашизм превращает мужей в присутствии их жен в кровавую массу, матерям посылает в почтовых пакетах пепел убитых сыновей. Стерилизация превращена в политическое средство борьбы. Захваченным антифашистам в камерах пыток насильно впрыскивают отравляющие вещества, ломают руки выбивают глаза, подвешивают, накачивают их водой, вырезают на живом теле фашистскую свастику.

Передо мной, — продолжал тов. Димитров, — статистическая сводка МОПР — Международной организации помощи борцам революции, об убитых, раненых, арестованных, искалеченных и замученных в Германии, Польше, Италии, Австрии, Болгарии, Югославии. В одной только Германии за время пребывания у власти национал-социалистов убито больше 4200, арестовано 317.800, ранено и подверглось мучительным пыткам 218.600 антифашистских рабочих, крестьян, служащих, интеллигентов — коммунистов,

социал-демократов, членов оппозиционных христианских организаций. 13 Австрии «христианское» фашистское правительство со времени февральских боев прошлого года убило 1900, ранило и изувечило 10 тысяч, арестовало 40 тысяч революционных рабочих. И эта сводка, товарищи, далеко не исчерпывающая.

Мне трудно найти слова, чтобы выразить все возмущение, охватывающее нас при мысли о муках, которые переживают сейчас трудящиеся в ряде фашистских стран. Цифры и факты, которые мы приводим, не отражают и сотой доли подлинной картины той эксплуатации и тех мучений белогвардейского террора, которыми полна повседневная жизнь рабочего класса в различных капиталистических странах. Никакие тома не дадут ясного представления о неисчислимых зверствах фашизма над трудящимися».⁸⁹

Тьер и Фавр, Мак-Магон и Галлифэ нашли себе «достойных» наследников и продолжателей в лице Гитлера, Геринга и других кровавых властителей «Третьей империи». В смертельном страхе перед грандиозными успехами СССР, этой надежды всего угнетенного человечества, в паническом ужасе перед крепнущим революционным движением в странах капитала, в его колониях и полуколониях, в судорожных поисках выхода из небывалого кризиса буржуазии ищет спасения в фашизме. «Фашизм — это свирепейшее наступление капитала на трудящиеся массы; фашизм — это безудержный шовинизм и захватническая война; фашизм — это бешеная реакция и контрреволюция; фашизм — это злейший враг рабочего класса и всех трудящихся»⁹⁰. «Фашизм — свирепая, но непрочная власть». Если версальская контрреволюция 1871 г. не смогла, несмотря на весь свой чудовищный террор, уничтожить рабочий класс и рабочее движение, то тем более их не уничтожить гитлеровской кровавой диктатуре. Правда, фашистские палачи превзошли версальских (как в методах клеветы и провокации, так и в разнузданной жестокости), зато и пролетариат нашего времени во много раз сильнее, организованнее, сплоченнее, нежели 65 лет назад. Вооруженный таким могучим оружием, как революционная теория Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, руководимый таким боевым авангардом, как коммунистические партии и весь

89 Г.Димитров. «Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма». Партиздат, 1935, стр.16—17.

90 Там же, стр.14.

Коммунистический интернационал, имея перед собою такой великий пример, как крепнувший изо дня в день Союз советских социалистических республик, — рабочий класс всего мира может безбоязненно смотреть в будущее. Будущее принадлежит трудящимся.

Парижская коммуна умерла, — живет СССР, — да здравствует Мировая коммуна!

В. И. ЛЕНИН **ПАМЯТИ КОММУНЫ ***

Сорок лет прошло со времени провозглашения Парижской Коммуны. По установившемуся обычаю, французский пролетариат митингами и демонстрациями почтил память деятелей революции 18 марта 1871 года; а в конце мая он снова понесет венки на могилы расстрелянных коммунаров, жертв страшной «майской недели», и на их могилах снова поклянется бороться, не покладая рук, вплоть до полного торжества их идей, до полного исполнения завещанного ими дела.

Почему же пролетариат, не только французский, но и всего мира, чтит в деятелях Парижской Коммуны своих предшественников? И в чем заключается наследство Коммуны?

Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготавливал. Неудачная война с Германией, мучения во время осады, безработица среди пролетариата и разорение среди мелкой буржуазии; негодование массы против высших классов и против начальства, проявившего полную неспособность, смутное брожение в среде рабочего класса, недовольного своим положением и стремившегося к иному социальному укладу; реакционный состав Национального Собрания, заставлявший опасаться за судьбу республики — все это и многое другое соединилось для того, чтобы толкнуть парижское население к революции 18 марта, неожиданно передавшей власть в руки национальной гвардии, в руки рабочего класса и примкнувшей к нему мелкой буржуазии.

Это было невиданным в истории событием. До тех пор власть обыкновенно находилась в руках помещиков и капиталистов, т.-е. их доверенных лиц, составлявших так называемое правительство. После же революции 18 марта, когда правительство г.Тьера бежало из Парижа со своими войсками, полицией и чиновниками, — народ остался господином положения, и власть перешла к пролетариату. Но в современном обществе пролетариат, поработанный капиталом экономически, не может господствовать политически, не разбивши своих целей, которые приковывают его к капиталу. И вот почему движение Коммуны должно было неизбежно получить социалистическую окраску, т.-е. начать

стремиться к ниспровержению господства буржуазии, господства капитала, к разрушению самых основ современного общественного строя.

Вначале это движение было крайне смешанным и неопределенным. К нему примкнули и патриоты, надеявшиеся, что Коммуна возобновит войну с немцем и доведет ее до благополучного конца. Его поддержали и мелкие лавочники, которым грозило разорение, если не будет отсрочен платеж по векселям и уплата за квартиру (этой отсрочки правительство не хотело им дать, но зато дала Коммуна). Наконец, первое время ему отчасти сочувствовали и буржуазные республиканцы, опасавшиеся, что реакционное Национальное Собрание («деревенщина», дикие помещики) восстановит монархию. Но главную роль в этом движении играли, конечно, рабочие (особенно парижские ремесленники), среди которых в последние годы Второй Империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали даже к Интернационалу.

Только рабочие остались до конца верны Коммуне. Буржуазные республиканцы и мелкие буржуа скоро отстали от нее: одних напугал революционно-социалистический, пролетарский характер движения; другие отстали от него, когда увидели, что оно обречено на неминуемое поражение. Только французские пролетарии без страха и устали поддерживали СВОЕ правительство, только они сражались и умирали за него, то-есть за дело освобождения рабочего класса, за лучшее будущее для всех трудящихся.

Покинутая вчерашними союзниками и никем не поддерживаемая, Коммуна неизбежно должна была потерпеть поражение. Вся буржуазия Франции, все помещики, биржевики, фабриканты, все крупные и мелкие воры, все эксплуататоры соединились против нее. Этой буржуазной коалиции, поддержанной Бисмарком (который отпустил из немецкого плена 100.000 французских солдат для покорения революционного Парижа), удалось восстановить темных крестьян и мелкую провинциальную буржуазию против парижского пролетариата и окружить половину Парижа железным кольцом (вторая половина была обложена немецкой армией). Я некоторых крупных городах Франции (Марселе, Лионе, Сент-Этьене, Дижоне и пр.) рабочие также сделали попытки захватить власть, провозгласить Коммуну и пойти на выручку Парижа, но эти попытки быстро закончились неудачей. И Париж, первый поднявший знамя пролетарского восстания, предоставлен был собственным силам и обречен на верную гибель.

Для победоносной социальной революции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации

* Впервые напечатано: «Рабочая Газета» № 4—5, 28(15) апреля 1911 гг. Приведено по: Ленин, Собр.соч., т.XV, стр.157—160, 3 изд.

пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ...

Но главное, чего не хватало Коммуне, так это времени, свободы оглядеться и взяться за осуществление своей программы. Не успела она приступить к делу, как засевшее в Версале правительство, поддержанное всей буржуазией, открыло против Парижа военные действия. И Коммуне пришлось прежде всего подумать о самообороне. И вплоть до самого конца, наступившего 21—28 мая, ей ни о чем другом серьезно подумать не было времени.

Впрочем, несмотря на столь неблагоприятные условия, несмотря на кратковременность своего существования, Коммуна успела принять несколько мер, достаточно характеризующих ее истинный смысл и цели. Коммуна заменила постоянную армию, это слепое орудие в руках господствующих классов, всеобщим вооружением народа; она провозгласила отделение церкви от государства, уничтожила бюджет култов (т.-е. государственное жалование попам), придала народному образованию чисто светский характер — и этим нанесла сильный удар жандармам в рясах. В чисто социальной области она успела сделать немного, но это не многое все-таки достаточно ярко вскрывает ее характер, как на родного, рабочего правительства: запрещен был ночной труд в булочных; отменена система штрафов, этого узаконенного ограбления рабочих; наконец, издан знаменитый декрет (указ), в силу которого все фабрики, заводы и мастерские, покинутые или приостановленные своими хозяевами, передавались рабочим артелям для возобновления производства. И как бы для того, чтобы подчеркнуть свой характер истинно-демократического, пролетарского правительства, Коммуна постановила, что вознаграждение всех чинов администрации и правительства не должно превышать нормальной рабочей платы и ни в коем случае не иметь выше 6.000 франков (менее 200 рублей в месяц) в год.

Все эти меры достаточно ясно говорили о том, что Коммуна составляет смертельную угрозу для старого мира, основанного на порабощении и эксплуатации. Поэтому буржуазное общество не могло спать спокойно, пока на парижской городской думе развевалось красное знамя пролетариата. И когда, наконец, организованной правительственной силе удалось взять верх над плохо организованной силой революции, бонапартовские генералы, побитые немцами и храбрые против побежденных земляков, эти французские Ренненкампы и Меллер-Закомельские устроили такую резню, какой Париж еще не видал. Около 30.000 парижан было убито озверевшей солдатчиной, около 45.000 арестовано и многие из них впоследствии казнены, тысячи сосланы на каторгу и на поселение. В общем, Париж потерял около 100 000 сынов, в том числе лучших рабочих всех профессий.

Буржуазия была довольна. «Теперь с социализмом покончено надолго!» говорил ее вождь, кровожадный карлик Тьер после кровавой бани, которую он со своими генералами задал парижскому пролетариату. Но напрасно каркали эти буржуазные вороны. Через каких-нибудь шесть

лет после подавления Коммуны, когда многие борцы ее еще томились на каторге и в ссылке, во Франции уже начиналось новое рабочее движение. Новое социалистическое поколение, обогащенное опытом своих, предшественников, но отнюдь не обескураженное их поражением, подхватило знамя, выпавшее из рук борцов Коммуны, и понесло его уверенно и смело вперед при кликах: «да здравствует социальная революция! да здравствует Коммуна!» А еще через пару-другую лет новая рабочая партия и поднятая ею в стране агитация заставила господствующие классы отпустить на свободу пленных коммунаров, еще оставшихся в руках правительства.

Память борцов Коммуны чтится не только французскими рабочими, но и пролетариатом всего мира. Ибо Коммуна боролась не за какую-нибудь местную или узко-национальную задачу, а за освобождение всего трудящегося человечества, всех униженных и оскорбленных. Как передовой боец за социальную революцию, Коммуна снискала симпатии всюду, где страдает и борется пролетариат. Картина ее жизни и смерти, вид рабочего правительства, захватившего и державшего я своих руках в течение свыше двух месяцев столицу мира, зрелище героической борьбы пролетариата и его страдания после поражения, — все это подняло дух миллионов рабочих, возбудило их надежды и привлекло их симпатии на сторону социализма. Гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды. Вот почему дело Коммуны не умерло; оно до сих пор живет в каждом из нас.

Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно.